

ИВАН ШАЙДУЛИН

УБИТЬ ПЕРВОГО

КНИГА 2

Убить Первого

Иван Шайдулин

Убить Первого. Книга 2

«1С-Публишинг»

2022

Шайдулин И.

Убить Первого. Книга 2 / И. Шайдулин — «1С-Публишинг»,
2022 — (Убить Первого)

Древние легенды рассказывают о смерти Хранителя жизни от людских рук, как и о том, что Первый поклялся за это известить весь род людской. Легенды это или нет – уже никто не помнит, потому что давным-давно наступили Темные времена. Люди прячутся за высокими стенами и подвергаются бесконечным атакам неведомых тварей и любая вылазка за пределы города – смертельно опасна. Города постепенно исчезают с лица земли, не выдержав атак зла. Единственный шанс человечества выжить – найти и убить Первого!

Содержание

Глава 31. Осуждённые	5
Глава 32. Жители туманной чащи	9
Глава 33. Откровения	14
Глава 34. Сфера концентрации атры	19
Глава 35. Прощание	25
Глава 36. Первая кровь	31
Глава 37. Слишком тесный ручей	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Иван Шайдулин

Убить первого. Книга 2

Глава 31. Осуждённые

Приговор прозвучал ударом тяжёлого молота, и в зале мгновенно воцарилось молчание. Лишь затихающее эхо слов главы, звенящее в сводах огромного зала, нарушало повисшую тишину. Это решение стало огромной неожиданностью для всех присутствующих, а Эдван чувствовал себя так, словно его только что окунули в ледяную воду, настолько сильно слова Горана Морето вышибли его из колеи. Вся злоба и желание бороться с проклятыми благородными, что горели в нём буквально несколько мгновений назад, мгновенно потухли, словно старые свечи, оставляя после себя лишь лёгкий дымок недовольства.

– У... уважаемый глава, вы уверены в своём решении? – хрипло переспросил главный Хранитель знаний, сидящий у дальнего края стола. Он был единственным, кому хватило духу высказать вопрос, которым задавался почти каждый в этом зале. Агар Линн, услышав это, покачал головой и прикрыл глаза, а Ли Джоу, наоборот, позволил себе оскалиться в довольной ухмылке, откинувшись на спинку стула так, чтобы глава города его не видел.

Мастер Ганн, который в это время сидел на скамье свидетелей, заметил эту ухмылку и нахмурился, после чего на мгновение встретился взглядом с Гораном Морето и, не уловив в том ни тени сомнения, тяжело вздохнул. Не такого исхода событий он ожидал, надеясь посмотреть, на что способен его самый выдающийся ученик. Не такого. Однако сделанного уже не воротишь, и заставить передумать столь упёртого человека, как Горан, было попросту невозможно. Приговор считался окончательным и не подлежал обсуждению; единственным, кто мог бы его отменить, являлся следующий глава города, но к тому времени, когда он придёт к власти, Эдван уже месяц будет находиться в изгнании. Между тем патриарх семьи Морето мрачно оглядел собравшихся в зале и всё же соизволил ответить на озвученный вопрос.

– Не собираюсь повторяться. Тем, кто не чтит наши законы и не нуждается в нашей защите, нет места внутри этих стен, – проговорил мужчина и поднялся с кресла, тем самым объявляя суд окончанным.

Уходя, он бросил короткий взгляд на Лаута и еле заметно усмехнулся, про себя одобряя поведение мальчишки. Начни тот сейчас молить о пощаде и плакать, прося отменить приговор, глава мгновенно потерял бы к нему всё уважение. Однако юноша обошёлся без глупых сцен, столь свойственных юнцам. Лицо Эдвана застыло непроницаемой маской, словно он был холодной ледяной статуей. И Горан мог лишь надеяться, что столь достойное поведение вызвано внутренним стержнем и твёрдостью характера, а не сильным шоком и оторопью. Впрочем, какими бы ни были истинные причины, самым главным для главы оставалось то, что подсудимый принял вердикт достойно, хотя бы внешне.

Глава уже удалился, а Эдван всё продолжал стоять на месте, глаза на пустующее место главного судьи, не в силах поверить в произошедшее. Его изгнали. Взаправду, окончательно и бесповоротно. Изгнали, оставив один на один с суровым миром за городской стеной. Все мечты, надежды и планы юноши в одночасье рухнули, словно старое сухое дерево под ударом умелого дровосека. Неотвратимый и жестокий удар судьбы настиг его, наказав за дерзость. И на что он вообще рассчитывал, препираясь с главой? Сейчас все мысли, что кружили в голове буквально несколько минут назад, казались наивными, странными и очень глупыми... но было уже поздно. Сделанного не воротишь.

Тяжёлая рука солдата рухнула на плечо юноши, отрывая его от дум. Пришло время покинуть зал. Бросив короткий взгляд на понурюю спину Мариса Морето и леди Джину, на хмурое

лицо мастера Ганна и довольные ухмылки других учителей, Эдван сделал глубокий вдох, обуздав свои чувства, и поспешил уйти прочь, сохраняя на лице маску полнейшего безразличия. Он не мог позволить этим старым уродам увидеть его слабость и боль, которых они так ждали, точно падальщики.

Оказавшись снаружи, Эдван сразу же поспешил в академию. Ему хотелось как можно скорее оказаться там, где его никто не увидит, чтобы наконец-то дать волю чувствам, раздражающим его изнутри. Отчаяние и страх, охватившие его в первые минуты после приговора, проникали всё глубже в душу, а мысли, что метались в голове в поисках виновника, заставили пламя гнева, потухшее буквально несколькими минутами ранее, разгореться с новой силой.

Проклятые благородные! Проклятый город, проклятые законы! Выругавшись, Эдван захотел изо всех сил ударить что-нибудь, но так и не смог найти ничего и никого подходящего, чтобы выместить злобу. О, с каким удовольствием бы он сейчас открутил голову проклятому Чэню Джоу, уродам братьям Алана, их отцам и вообще всем, кто был хоть как-то причастен к его приговору. Если бы не было этих дурацких благородных с их идиотскими правилами и непомерным чувством собственного превосходства, он бы никогда не попал в такую ситуацию! Все, абсолютно все проблемы этого глупого города были из-за кланов!

– Да и катитесь все к Первому... – прошипел Эдван, искренне желая всем им подохнуть самой страшной смертью в лапах этого самого Первого.

Встряхнувшись, он прибавил шагу в надежде, что его комнату ещё не успели обнести после суда. В конце концов, там, в сундуке, лежал подарок для Лизы, который он до сих пор не мог ей отдать. Пусть эти твари и изгнали его, но он сделает всё, чтобы ей не пришлось страдать от произвола мразей вроде Чэня, который совершенно её не достоин. Да что там! По мнению Эдвана, этот каменный урод не был достоин даже смотреть в её сторону, не то что жениться...

До академии юноша добрался примерно за двадцать минут. Он не обращал внимания на сочувственные и злорадствующие взгляды других учеников, что встречались ему на улице, быстро преодолел расстояние от ворот до главного корпуса и, ворвавшись в холл, поднялся по лестнице на второй этаж и направился в свою комнату.

Эдван распахнул дверь и замер, напряженно оглядывая помещение. Парень пытался понять, не пошарил ли кто-то в вещах во время его отсутствия, но сундук и циновка казались нетронутыми. Вздохнув, он шагнул внутрь и уже намеревался проверить, действительно ли это так, как вдруг позади раздался странный шорох. В следующее мгновение чья-то могучая рука зажала его рот дурно пахнущей тряпкой, а затылок пронзило тупой болью. Он успел лишь несколько раз нелепо дёрнуться, прежде чем сознание окончательно померкло, оставляя безвольное тело на руках незваного гостя.

В это же время в поместье семьи Морето проходила казнь. Казнь не физическая, а моральная. Вести о судьбе наследника разлетелись по клану со скоростью лесного пожара. Об этом узнали ещё вчера, вот только до суда никто не решался показывать отпрыску главы своего истинного отношения. До тех пор, пока оставался пусть и небольшой, но всё же вполне реальный шанс на то, что непутёвого принца минует наказание, все предпочитали держать своё мнение при себе. Однако сейчас, когда Марис Морето был официально изгнан из города и лишился своего статуса, а глава клана потерял место, родственники совершенно не стеснялись в выражениях.

Ещё никогда в жизни Марис не чувствовал себя настолько жалким, настолько ничтожным и разбитым, никогда не испытывал такого давления. Юноше, который, свесив голову, плёлся позади леди Джинь вначале через двор, а потом и по длинным коридорам главного поместья до самых покоев главы, казалось, будто на него обрушилась настоящая кара небес. Его путь превратился в дорогу позора и презрения. Каждый, над кем он когда-либо издевался, пришёл сегодня, чтобы плюнуть ему в лицо и высказать всё, что о нём думает. Каждый, кто возлагал на него большие надежды, пришёл показать, насколько в нём разочаровался. Каждый,

кто был к нему безразличен или нейтрален, сейчас пришёл растоптать его за честь семьи и главы клана. Последнее особенно сильно разгневало родственников, и лишь присутствие леди Джины и слово Горана удерживали их от того, чтобы отомстить оступившемуся юнцу за поруганную честь клана самым радикальным образом. И пусть не действием, но словом, красноречивым взглядом или молчаливым порицанием они выказывали своё недовольство. Каждый член семьи Морето в этот день хотел, чтобы он всей своей подлой душой прочувствовал этот несмыаемый позор, ощутил себя жалким, ничтожным и беспомощным муравьём, недостойным находиться под одной с ними крышей.

Мир, который юноша знал, в который он верил, разлетелся на десятки тысяч мелких осколков. И под конец этого длинного пути до отцовских покоев тот Марис Морето, наследник великого клана, талантливый благородный юноша, не понимающий глупых законов, скрывающих истинный потенциал одарённых, умер. Разбился вместе с миром, в котором он жил, оставил вместо себя лишь жалкую тень, ныне погребённую под презрением, которое он ощущал от тех, кто ещё вчера был готов превозносить его.

Джина доставила его в покои главы клана и, не удостоив парня даже взглядом, захлопнула двери с другой стороны. Он остался один в огромной, богато обставленной гостиной. С тяжёлым вздохом подошёл к небольшому возвышению с мягкими подушками, упал на него и, закрыв рукой глаза, позволил выйти всему, что накопилось в душе. Солёные дорожки покатились по лицу Мариса. Он тихо выли в подушку в полной тишине, сокрушаясь над собственной глупостью и идиотизмом. Все надежды на то, что хоть кто-нибудь из семьи сжалится над ним, вступится, спасёт от уготованной отцом участи, рухнули после этого пути позора. Клан отвернулся от того, кто предал его.

Так он пролежал несколько часов, глотая слёзы и пытаясь прийти в себя. До тех пор, пока дверь в соседнюю комнату не скрипнула, и оттуда не появился слуга.

– Господин желает тебя видеть, – надменно произнёс мужчина. Увидев, что тот не торопится вставать, он добавил сквозь зубы: – Не заставляй его ждать.

Юноша подчинился. Слова прислуги ножом вошли в его сердце. Ещё вчера этот человек был готов лебезить перед ним и сдувать пылинки, а сейчас надулся, точно жаба, и вёл себя так, словно он теперь благородный, а Марис – простой грязный попрошайка с улицы. Впрочем... теперь это было недалеко от истины. Парень пошёл в сторону кабинета отца. Ему вдруг вспомнился путь к трибуне в зале суда, и он вновь почувствовал себя словно на дороге к эшафоту.

Обстановка в кабинете главы города была такой же строгой, как и его хозяин. Здесь не было ничего лишнего. Добротный деревянный стол, стойка для доспехов и оружия, несколько стульев для возможных гостей и два стеллажа со свитками и книгами. Мужчина сидел за столом и сосредоточенно что-то писал. Услышав шарканье ног по полу, он поднял голову, взглянул на сына, велел тому сесть напротив и взмахом руки прогнал слугу. Тот поспешил исчезнуть, захлопнув двери с другой стороны.

Мужчина отложил писчие принадлежности и, откинувшись на спинку кресла, посмотрел на сына. Он ничего не говорил, в кабинете царил молчание, и с каждой минутой Марис чувствовал себя всё хуже и хуже под отцовским взглядом. Чувство вины жгучим пламенем съело его душу, заставляя смотреть в пол и не позволяя поднять глаза на родителя. Это молчание, столь красноречиво выражающее всю степень отцовского неодобрения, было больнее, чем презрение всей прочей родни.

Послышался тяжёлый вздох, и грозный, всегда собранный и серьёзный глава города слегка осунулся, в одно мгновение превратившись из сурового патриарха в усталого мужчину. Он прикрыл глаза, помассировал их пальцами и снова взглянул на сына, не в силах понять, где допустил ошибку. Как патриарх он обеспечил его лучшими учителями, дал всё, о чём можно было мечтать в этом городе, всегда старался выкроить время для общения... и всё равно этого оказалось недостаточно.

– Чэнь? – тихий голос отца разорвал давящую тишину.

– Да, – так же тихо ответил Марис. Горан поморщился, изо всех сил стараясь не застонать от досады.

– Врагу подарили невесту, – скривился мужчина. Лишать клан ещё одного перспективного бойца из-за глупых предрассудков ему не хотелось. – Ну, хоть про его успехи с контрактом ты не соврал?

– Нет. Отец...

– Ничего не говори, – прервал его Горан, – я не собираюсь слушать оправдания и бесполезное сотрясание воздуха. Через три дня тебя не должно быть в городе. И я бы не советовал затягивать с выходом. Ты больше не горожанин, и закон тебя больше не защищает.

Марис слушал слова родителя молча. Он смотрел в пол. Отцовская речь была подобна кнуту, хлещущему его по спине.

– Смотри мне в глаза, когда я с тобой говорю, – не выдержал, наконец, мужчина.

– Прости, отец, – прошептал парень, впервые за долгое время посмотрев на родителя. Огромных трудов стоило юноше не отвести глаза. А всё потому, что, вопреки его ожиданиям, во взгляде Горана он почувствовал не злость и не осуждение, а лишь глубокую печаль и усталость.

– Поздно извиняться, – покачал головой тот, – ты свой выбор сделал. Как отец я лишь обязан позаботиться о тебе в последний раз.

Сказав это, мужчина поднялся со стула и подошёл к стойке с доспехами. Несколько долгих секунд он рассматривал их, после чего покачал головой.

– Ты получишь доспехи своего дяди из семейного хранилища. Они должны будут хорошо сесть на тебя после подгонки. А также кое-что ещё... – мужчина наклонился и под ошарашенным взглядом сына взял с полки ножны со своим мечом.

Сердце юноши забилося быстрее. О клинке главы в городе ходило немало слухов. Это было легендарное оружие, способное творить в руках владельца невероятные вещи, а также знак очень и очень высокого статуса. Он никогда не видел этого меча обнаженным, но слышал, что ещё дед однажды поразил им гигантского ящера, шкуру которого не могло пробить ни одно копьё. Странные магические знаки на ножнах и огненный рубин в навершии эфеса лишь подчёркивали дороговизну этой могущественной вещи. Марис не знал, зачем он вдруг понадобился отцу, в голове парня промелькнула даже паническая мысль о том, что родитель решил таким образом смыть с семьи его позор, однако реальная причина превзошла все его догадки.

– Ты должен был стать главой клана Морето и следующим его хозяином, – тихо проговорил Горан, с заботой погладив тёмные ножны. Губы мужчины тронула слабая улыбка. – Этот меч передавался в нашей семье из поколения в поколение, от самого основателя. И сейчас... пришло время передать его тебе, – серьёзно посмотрев в глаза сыну, мужчина двумя руками протянул ему оружие.

– Но... почему? – только и смог выговорить Марис, обескураженный таким неожиданным и невероятно странным поступком.

– Судьба этого клинка – переходить от отца к сыну, – спокойно пояснил мужчина, – мой отец передал его мне, а сейчас я передаю его тебе. Такова традиция нашей семьи. И я не посмею нарушить волю предков. Это мой последний подарок тебе, Марис.

– Б... благодарю, отец! – всхлипнув, выпалил юноша и, глубоко поклонившись, двумя руками принял драгоценную вещь из рук родителя.

– Не лей слёз. Основатель нашей семьи пришёл сюда вместе с другими из мира за Туманной чащей. Кто знает, быть может, тебе удастся вырваться за её пределы и найти новый дом. А потому сделай это или умри с честью, пытаясь. Так, как подобает члену нашей семьи, – сурово сказал Горан и, развернувшись, быстрым шагом покинул кабинет, оставляя Мариса наедине с его новым оружием...

Глава 32. Жители туманной чащи

Густой сизый туман медленно обволакивал огромные стволы вековых деревьев, ползая по старому лесу. Холодный ветерок, который тянуло со стороны ущелья Ша-Суул, легонько шевелил шерсть Хого, заставляя его недовольно хмуриться. Каждому, кто прожил в этой древней чаще хоть сколь-нибудь долго, было известно, что ветер со стороны этого проклятого места – дурной знак.

Хого повёл носом по ветру, надеясь уловить хоть какой-то запах, но не преуспел. Он почувствовал лишь сырость тумана, поглощающего лесные просторы, листву и травы. Никого. Старый вожак вновь нахмурился, когда самка вдруг перестала перебирать его шерсть, и недовольно рыкнул. Послушно подчинившись, она вновь запустила длинные пальцы в волосы вожака, позволяя тому на миг расслабиться, чтобы почти сразу же погрузиться в нелёгкие думы. Недавно самцы его стаи опять столкнулись с двуногими лысыми тварями. Этими жалкими слабаками, что напяливают на себя чужие твёрдые шкуры и дерутся острыми железными палками. Хого раздражённо дёрнул хвостом, вспоминая, скольких он потерял в той драке. Теперь соседние племена наверняка попытаются забрать часть их территории. Нехорошо...

Позади раздался громкий крик. То воины извещали всех, что вернулись с охоты. Вожак фыркнул, ловко спрыгнул с высокого валуна, на котором любил сидеть, и бодро побрёл в сторону обиталища стаи, опираясь на посох. Символ его власти, сделанный из ветки древнейшего дуба, пропитанной силой леса. Толстая тяжелая палка была исписана засохшей кровью, а на её конце красовалась связка зубов. Были здесь клыки диких кошек, волков и, разумеется, человеческие. Этим лысым двуногим тварей Хого за свою жизнь прикончил достаточно. Больше, чем кто-либо в племени.

Добравшись по узкой извилистой тропинке до двух высоких сосен, ветви которых были сплетены между собой так, что образовывали арку, он остановился и задрал голову кверху. Острый глаз вожака легко нашёл в густой листве дозорного, который был именно там, где и должен. Морщинистая морда Хого сморщилась от негодования. Глупый дозорный, вместо того чтобы смотреть за округой и ответить своему вожаку приветственным кивком, как подобает, устроил себе гнездо в переплетении ветвей и, судя по всему, беззастенчиво дрых. Самка, что семеня следом, испуганно прикрыла глаза руками.

Недобро сощурившись, Хого подобрался, перехватил посох одной рукой и, слегка присев, одним мощным прыжком преодолел расстояние едва ли не до самой верхушки дерева. Ухватившись рукой за толстую ветку, он повис над гнездом незадачливого дозорного и огрел того посохом. Тяжелая деревяшка угодила прямо в брюхо лодыря, отчего глаза последнего едва не вылезли из орбит. Ветви, что приняли на себя могучий удар вожака, недовольно закачались и зашуршали листвой. Хого толкнул палкой стонущее тело и, дождаввшись, когда оно рухнет на землю, спрыгнул вниз. Без лишних слов ещё несколько раз ударил провинившегося, жестом приказав самке остаться здесь и подождать, пока не придёт новый дозорный, а сам продолжил путь сквозь древесную арку.

Старый вожак вышел на небольшую полянку, где у деревьев и мягких кустов располагались небольшие жилища. Людям они наверняка показались бы самыми обычными маленькими шалашами, годными лишь на то, чтобы переночевать, но для племени Хого это были целые дома, где можно отдохнуть в тишине, нежась на мягком матрасе из сухой травы и листьев. Самое большое жилище было, разумеется, у самого Хого и его самки, и стояло оно не на земле, а в ветвях старого дуба, который когда-то поразило небесным огнём.

Здесь его уже ждали. Десять могучих воинов, вооружённых украденными у двуногих тварей копьями, стояли у корней дерева вожака, а рядом на земле валялось несколько трупов. Один почему-то лежал слегка в стороне, со связанными гибким прутом руками. Присмотрев-

шись, Хого понял, что этот человек ещё жив, и одобрительно кивнул бойцам, отчего те гордо приосанились. Похвалив их за добрую охоту, он велел унести тела и разделать их, после чего выделил из группы двоих и подозвал к себе. Щуплому воину с тёмной, почти чёрной шерстью Хого велел заменить дозорного, а бурому громиле – бросить ещё живого человека к собратьям.

– Маго ломать нога? – спросил громила, хватая человека за одежды.

– Ломать, – кивнул Хого, оскалившись.

Волосатый здоровяк лишь угрюмо кивнул и потащил бессознательное тело к старому дубу, где держали пленных. Огромная клеть из прочных древесных прутьев могла сдержать зверя, но против человека почему-то помогала плохо. Потому Хого всегда приказывал ломать им ноги. Калеке убежать будет трудно.

Несмотря на всё своё презрение к этим лысым уродам, старый вождь никогда не упускал шанса выведать что-то у человека и чуть лучше их понять. В конце концов, они как-то ухитрялись побеждать в бою не только воинов стаи Хого, но и тигров, и даже медведей. А значит, у них можно было что-то перенять. Что-то, что сделает стаю сильнее и поможет подмять под себя соседей. Ради такого Хого даже научился понимать их глупый язык.

Провожая уходящего здоровяка взглядом, старый вождь почесал подбородок и весело оскалился. У него наконец-то появилось два пленных воина из числа людей, чтобы устроить любимую забаву для всего племени. Заставить их драться друг с другом старыми палками на потеху. Ноги-то сломаны! Как смешно они будут бегать перед ними на коленках...

Увы, додумать весёлую мысль ему не позволил крик нового дозорного. Слегка взволнованный, предупреждающий не об опасности, а о гостях. Гостях, которых Хого был бы рад и не видеть вовсе. Засопев, вождь тряхнул головой и, опираясь на палку, шустро пошёл к древесной арке, перед этим велел всем воинам готовиться защищать своих и бежать, если Хого подаст сигнал. Самки и дети тут же принялись взбираться на деревья, подальше от опасности.

Вожак добрался до арки, вышел чуть вперёд и уселся на землю. Он положил свой посох на колени и принялся вглядываться в туман. В любой другой ситуации Хого, конечно, был бы готов к бою, но не сейчас. Сейчас он лишь ждал. Потому что этому противнику ему было нечего противопоставить. При всей своей силе, уме и таланте к битвам, против тех, кто пришёл несколько месяцев назад из ущелья, Хого был бессилён. Так же бессилён, как детёныш перед вожаком стаи. Поэтому он не любил проклятое древнее ущелье, которое, хоть и находилось довольно далеко от их территории, всегда доставляло множество неприятностей. Туман медленно полз к нему, а слабый, еле заметный прохладный ветерок шевелил шерсть. Холодил нос. Заставлял Хого хмуриться, нетерпеливо потирать мозолистыми пальцами посох и раздражённо шевелить хвостом.

Из тумана показался силуэт слегка сутулой фигуры, что медленно приближалась к Хого на задних лапах, время от времени помогая себе передними. Следом за ней явились два могучих волка. Крупных, с шерстью цвета ночного неба. Твари из стаи Чёрного клыка. Хого как-то раз даже побеждал одного такого в битве, но с двумя наверняка справиться не смог бы. Не говоря уже об их вожаке.

Сутулая фигура могучего зверя, лишь отдалённо напоминающего двуногих тварей и соплеменников самого Хого, медленно опустилась на землю напротив обезьяны. Два ярких синих глаза волка встретились с тёмными, почти чёрными глазами старого вожака, отчего у последнего шерсть на хвосте встала дыбом. Под безразличным, холодным взглядом монстра он начинал нервничать.

– *Чувствуешь ветер из ущелья?* – спросил волк. Он изъяснялся на странном языке, который удивительным образом был похож на говор человека, но всё же... казался немного другим. Слова зверя напоминали грубое рычание, их было тяжело разобрать.

– *Хого чувствует,* – ответил вождь. Он тоже прекрасно понимал этот язык. Язык зверей, подаренный им давным-давно самим Богом.

– *Хозяин Лесов идёт. Твоя стая будет служить ему. Другие тоже.*

– *Хого понимает.*

Волк засунул когтистую лапу в небольшую сумку, которую носил на боку, подобно лысым уродцам, и вынул оттуда небольшой кристалл. От камня исходил слабый синий свет. Повертев его в лапе, зверь бросил предмет обезьяне. Хого легко поймал камень, повертел его в длинных пальцах перед глазами и даже попробовал на вкус. Стоило зубам сомкнуться на нём, как глаза вожака жадно заблестели. Он понял, что это была за штука. Камень, содержащий силу.

– *Знаешь такой камень?* – спросил волк и, дождавшись кивка, продолжил: – *Хозяин Леса велит вам собрать их. Много.*

Вожак нахмурился.

– *Хого видел камни только у старого ущелья. Мало. Где Хого найдёт много?*

– *На юге у Большой горы есть большое каменное дерево. Глубоко в его корнях лежат камни. Их защищают люди. Хого должен убить их и принести камни сюда. К ущелью. Тогда Хозяин Леса сделает Хого вожаком всех обезьян.*

– *И соседних стай?*

– *И соседних стай. Хозяин Леса щедр.*

– *Тогда Хого сделает. Когда стая Хого будет большой.*

– *Ты должен отправиться через три дня,* – недовольно рыкнул волк.

– *Но человек много воинов,* – лицо обезьяны недовольно сморщилось. – *Стая Хого всего тридцать воинов. Мало.*

– *Воины двух других стай пойдут с тобой. Будут ждать тебя и твоих воинов у Мёртвого дерева через две недели. Если придётся тяжело, проси помощи у тех, кто будет там. От имени Хозяина Леса.*

Волк оскалился, как будто улыбаясь. Хого чуть опешил. Он не знал, кто такой Хозяин Леса, но из-за преклонения волка перед ним чувствовал, что это кто-то могущественный. Кто-то, кому очень нужны камни, которые прячут подлые человеки. А значит, жизнь сородичей Хого зависит от его успеха. Он обязательно справится.

– *Для Хого большая честь. Хого сделает,* – кивнул вожак.

Зверь, что сидел перед ним, довольно рыкнул. Он и не сомневался в том, что макака будет повиноваться. У тупой обезьяны всё равно не было выхода. Волк что-то довольно прорычал, вынул из маленького мешочка, который носил с собой, небольшую вещицу и бросил её собеседнику, после чего поднялся и, не прощаясь, ушёл обратно в туман, ни капли не сомневаясь в том, что его приказ будет выполнен.

Хого вертел в руках необычную вещицу. Это был странный костяной кружок с каким-то таинственным знаком, подвязанный на тонкий шнур из искусно переплетённых ветвей какого-то неизвестного Хого растения. Старый вожак не знал никого, кто бы смог сплести столь сложную нить. Очевидно, это была работа чьей-то силы. Странный знак источал слабый, зеленоватый свет. Немного покрутив его в пальцах, вожак нацепил амулет на шею, рассудив, что ничем другим, кроме как знаком Хозяина Леса, это быть не может.

Вернувшись обратно в своё селение, Хого остановился у своего любимого дуба, на котором находилось его жилище, и созвал самцов. Не только воинов, а всех, без исключения. Он поведал им, что сам Хозяин Леса велел ему отправляться на юг, к каменному дереву и добыть замечательные камни силы. Потому завтра же он вместе с сильными воинами уйдёт к вожаку соседней стаи, где намеревается оставить самок и детёнышей на время похода. Хого уже придумал, как расширить свою стаю. В бою с человеками погибнут воины другой стаи, а его уцелеют. И тогда у соседей не будет и шанса, когда он вернётся... на тот случай, если они вдруг не захотят подчиниться волку, который сделает его вожаком всех обезьян. У них просто не будет выхода.

Поведав свою волю стае, Хого отправился к клетки с людьми. Сейчас их там было трое, и они уже тихо переговаривались о чём-то друг с другом, но с появлением старого вожака быстро замолчали. Тщедушный седой человек забился в дальний угол клетки. Хого довольно ухмыльнулся. Он гордился тем, что сумел немного воспитать этого странного человека с белой шерстью. Именно он был основным источником знаний стаи Хого. От него они научились обращаться с огнём, сеять семена и понимать человеческую речь.

– Стая идти на война, – Хого ударил посохом по клетке, – к каменный дерево. Хозяин Леса дать приказ. Ты идти с Хого, – вожак указал рукой на седого мужчину, отчего последний сглотнул.

– О... откуда эта тварь знает наш язык? – прохрипел солдат, который совсем недавно очнулся и тут же получил подзатыльник от второго. Но было уже поздно. Хого оскалился и одним резким выпадом ткнул посохом прямо в грудь солдату, прижимая того к земле, как жука.

– Молчать, – сказал вожак, без особого интереса наблюдая за тем, как воин пытается вывернуться из-под посоха, как выпучивает глаза, пытаясь вдохнуть, как орёт от боли в груди и, наконец, как ослабевает. Хого перестал давить именно тогда, когда хват человека ослаб и палка была готова вот-вот проломить его рёбра. Довольно кивнув, он двумя мощными тычками в поломанные ноги заставил мужчину завывать и, хохотнув, удалился, бросив через плечо: – Сегодня великий день. Они сегодня биться!

– Ч... что... он имел в виду? – прохрипел мужчина, глядя на соседей по камере.

– Вы будете биться насмерть, – тихо сказал седой, чуть-чуть расслабившись после ухода вожака.

– Хочет, чтобы мы повеселили этих тварей? – сверля ненавидящим взглядом спину удаляющегося вождя, прошипел второй солдат. – Пусть подавится. Когда дадут оружие... постараемся убить как можно больше этих тварей!

– Да, – хрипло подтвердил первый.

Тран, тот самый седой мужчина, что забился в дальний угол клетки, прекрасно слышал их разговор, но ничего не сказал. Солдаты из города, как и их предшественники, наивно думали, будто Хого выдаст им копья. Они считали обезьян глупыми тварями, не способными на какую-то мыслительную деятельность. Он и сам когда-то думал так же, но... за месяцы, проведённые бок о бок с этими тварями, убедился в обратном. Да, большинство из них были не умнее шестилетнего ребёнка, но встречались и исключения. Вроде вожака, который никогда бы не подверг племя риску, давая настоящее оружие в руки врагов. Пусть и со сломанными ногами. О нет, Хого был каким угодно, но не глупым. Старый вожак наглядно продемонстрировал это Трану, научившись у него языку людей и заставив поведать о том, как развести огонь, сделать топор, сшить сумку, и рассказать о прочих людских премудростях.

Тяжело вздохнув, мужчина в который раз вознёс молитву Творцу, поблагодарив великого за то, что наградил его седыми волосами. Этим он сумел заинтересовать Хого. И поэтому был до сих пор жив. Сейчас-то, конечно, вожак ценил его за людские знания и постоянно пытался выведать что-либо ещё, а Тран, наоборот, старался выдавать поменьше, чтобы процесс длился как можно дольше. Но вначале... вначале он заинтересовался только цветом «шерсти» на голове молодого человека. Тот и сам не слишком-то понимал, почему поседел. Догадывался, конечно, что из-за страха, но достоверно сказать не мог.

Тран с содроганием вспоминал тот день, когда попал в стаю. Он вместе с односельчанами направлялся на встречу с солдатами гарнизона. Через этот треклятый лес. И тогда случилось... это. Обезьяны напали с деревьев. Их было много, даже слишком много. К своему стыду, Тран не успел толком ничего сделать: он трусливо попытался сбежать, но был ранен в ногу, споткнулся, упал и вырубился, ударившись головой о дерево. Очнулся он уже здесь, запертый в клетке у Хого. Как потом удалось выяснить у старого вожака, судьба сильно поиздевалась над

Траном – ведь большую часть проклятых тварей, напавших на них, перебил могучий отряд из города.

С того дня минули месяцы. Сквозь его клеть прошли несколько солдат, пойманных стаей. Все они презирали Трану за трусость, за слабость и безволие. Но что он мог сделать? Он ведь не был одарённым, как они! Да, он давным-давно смирился со своей участью забавной зверушки, но не утратил надежды. Стараясь выжить всеми возможными способами, он втайне надеялся, что отряд людей из города налетит на этих тварей и освободит его, и теперь, когда Хого сам решил отправиться в поход, зачем-то взяв его с собой... Тран молился Творцу, чтобы их нашли поскорее.

Глава 33. Откровения

Пробуждение напомнило Эдвану о его первом прибытии в Город. Он очнулся в незнакомой маленькой комнате, глядя на деревянный потолок и чувствуя себя просто ужасно. Тело ломило от слабости, голова гудела, а на душе лежал камень. Разумеется, это ощущение невозможно было сравнить с тем, что он испытывал после потери близких, но всё равно было очень неприятно. В основном из-за осознания собственной глупости. Как наивно было думать, что отказ выдавать городу знания сойдёт ему с рук. Проклятые благородные! Наверняка его схватили воины из Когтя и сейчас начнут пытаться, чтобы вытрясти все знания до последней капли. Твари...

Оставалось лишь надеяться, что блюститель закона Горан Морето позаботится о том, чтобы его выгнали за стены. Тогда время у мучителей будет ограничено. Если они, конечно, действуют не по приказу главы. Или если он уже не находится за городской стеной. Сглотнув, Эдван первым делом проверил внутренний сосуд и, лишь убедившись, что на нём не появилось ни одной лишней трещинки, рискнул осмотреться.

В комнатке, где он лежал, не было окон. Тусклый свет исходил от крохотного магического светильника под самым потолком. В углу у двери лежало что-то тёмное, отдалённо напоминающее гору тряпья или какой-то непонятный свёрток. Из-за слабого освещения парень никак не мог разобрать, что же это такое. Головная боль резко усилилась, пронзая мозг острой иглой. Поморщившись, Эдван сконцентрировал атру на кончике пальца. Она слушалась вяло, даже немного неохотно, но всё-таки подчинилась, и парень быстро написал на своей груди Слово Жизни.

Головная боль отступила. Юноша закрыл глаза и сосредоточился на окружающем мире, стараясь почувствовать в нём движение атры. Так он надеялся определить, есть ли у его темницы охрана. Однако, просидев около десяти минут в полнейшей тишине, совершенно ничего не уловил. Только несколько магических светильников в соседних помещениях. Это неприятное открытие заставило его скрипнуть зубами. То, что он не сумел почувствовать движения атры, могло с равным успехом означать как то, что вокруг было пусто, так и то, что там засел кто-то достаточно могущественный, чтобы скрыть своё присутствие от его слабых потуг прощупать окружение. И то, каким образом он попал в эту крохотную комнатку, заставляло Эдвана склоняться в сторону второго варианта.

От злости и обиды парень скрипнул зубами. Помянул Первого, послал на головы благородных ублюдков с десятков проклятий и лишь после этого сделал глубокий вдох и вновь сосредоточился на мире вокруг. Постарался почувствовать движение энергии или услышать любой, даже самый слабый шорох. Уловить хоть что-нибудь в этой мерзкой, почти гробовой тишине. И через несколько долгих, тягостных минут у него, наконец, получилось.

Вначале послышался тихий шорох на самой границе слышимости. Через несколько мгновений он почувствовал слабые вибрации деревянного пола и еле слышное постукивание, очень похожее на шуршание чьих-то сандалий о доски. Кто-то ходил. Недалеко. Раздался щелчок и новый шорох, громче предыдущего. Кто-то открыл дверь! Распахнув глаза, Эдван подорвался с места и тут же шмыгнул в угол за дверью, про себя порадовавшись тому, что куча тряпья лежала в противоположном конце комнаты. Теперь, как только чужак войдёт и увидит пустое место, у него будет целое мгновение замешательства, пригодное для атаки.

Шаги приближались, Эдван начал наполнять тело атрой. Кольца на его сосуде души запульсировали. Неизвестный остановился за дверью. Повернул ключ в замке. Дверь отворилась, закрывая собой парня, который был готов нанести удар прямо сквозь деревяшку, как только враг ступит в комнату... но тот не вошёл, а замер на пороге.

– Хорошая задумка, – прокомментировал до боли знакомый голос, – против кого-то послабее могло даже сработать. Выходи, я не причиню тебе зла.

– М... мастер Ганн? – хрипло спросил невероятно удивлённый юноша, выглянув из-за двери, но там уже никого не было. Владелец знакомого голоса ушёл, скрывшись где-то в глубине соседней комнаты. Эдван не знал, что думать. Обнаружить учителя на пороге своей темницы он никак не рассчитывал и сейчас чувствовал себя так, словно ему в спину воткнули нож. Выходить почему-то совсем не хотелось, но был ли у него выбор? Тяжело вздохнув, парень направился вслед за своим пленителем.

Комната была небольшой и, судя по всему, служила в качестве рабочего кабинета. У дальней стены стоял стол с раскрытой толстой тетрадью и парой старых свитков, а над ним угрюмо нависали две полки, на которых громоздились стопки старых пыльных книг. Было видно, что некоторых из них мастер не касался уже очень и очень давно. Сам он обнаружился сидящим в уютном плетёном кресле неподалёку от двери с керамической чашкой в руке. На низком столике рядом с ним стоял пухлый чайник, судя по насыщенному аромату, с каким-то травяным настоем или чаем. Мужчина молча кивнул в сторону соседнего кресла, и в этот же миг, повинаясь его воле, из носика чайника потянулась тонкая струя, которая быстро наполнила вторую чашку.

Эдван осторожно сел рядом с мастером, покосился на чай, но не взял его. Вместо этого он сцепил пальцы в замок и уставился в стену, стараясь не выдавать своего эмоционального состояния. Мысленно он уже записал бывшего учителя во враги и готовился к худшему. За несколько тягостных минут молчания он успел перебрать десятки вариантов развития событий, один мрачнее другого, и под конец сидел как на иголках. Его сосед же, напротив, преспокойно пил чай с самым безмятежным видом, словно в этом мире не существовало ничего, что могло бы вывести его из столь расслабленного состояния. Но вот чай был допит, и чашка опустилась на стол со стуком, который в повисшей тишине показался ударом молота. Вздохнув, мужчина заговорил:

– Для начала я хотел бы перед тобой извиниться, – начал он, одним коротким предложением разбив вдребезги всё, что юноша успел себе навоображать, – за это глупое похищение, и... – наставник вздохнул, – за всё. Если бы я вовремя разнял вас с Марисом, возможно, ничего и не случилось бы. Но мне слишком сильно хотелось посмотреть, на что ты способен.

– Вы видели бой? – осторожно спросил парень. Слова учителя немного успокоили его, но в голове всё равно оставалось слишком много вопросов, чтобы полностью расслабиться.

– Да, – кивнул мужчина. – Признаться, я ещё никогда не видел такого стремительного развития ученика с жёлтым сосудом. Такой невероятный талант... – мастер грустно покачал головой, – мой азарт загубил твоё будущее.

– Меня бы изгнали в любом случае, из-за этого... Джоу, – прошипел парень, с трудом сдержавшись от оскорблений в компании наставника.

– Ты обижен за изгнание? – с лёгкой насмешкой в голосе поинтересовался сосед.

– Я не понимаю этих идиотских правил.

– И не поймёшь, – усмехнулся мужчина, – их и не нужно понимать. По крайней мере, тебе.

– Что? – не понял Эдван. Слова мастера никак не вязались с его благородным происхождением и статусом.

– Я, кажется, говорил ещё на самом первом занятии, что уважаю лишь талант и силу. Только эти две вещи имеют значение в мире одарённых, Эдван. И ничего больше. Сила позволяет тебе отстаивать своё мнение, диктовать свою волю и поступать так, как хочется. Талант, в свою очередь, говорит о том, насколько высоко ты сможешь забраться на пути силы. Всё остальное не важно. Увы, из всех моих учеников в этом году только ты и Марис сумели хоть немного понять это.

– А все остальные?

– Остальные, увы, до сих пор живут в мире смертных, – недовольно поморщился мастер Ганн. – Они цепляются за него всеми силами. За власть, за влияние, традиции... ценности. Не могут осознать, что никакие законы не сдержат того, кто будет силен по-настоящему. К сожалению, тех, кто осознал эту простую истину, можно сосчитать по пальцам двух рук.

– Но разве не поэтому они так держатся за контракты? – нахмурился парень. – Боятся, как бы не появился кто-то сильный из простолюдинов?

– Частично, – согласился Ганн. – Пытаются сохранить шаткий баланс между тремя семьями и не допустить чернь до ресурсов, которыми обладают. Увы, благородных стало слишком много со времени основания Города, а даром повелевать атрой владеет едва ли пятнадцатая их часть. Остальные могут лишь празднично жить, гордясь собственной важностью и положением, дарованным по рождению, – мастер говорил спокойно, словно его это не касалось ни в коей мере. – Именно они из всех сил радуют за традиции и силятся не допустить чернь к богатствам – ведь иначе многим пришлось бы расстаться с роскошной жизнью, а расставаться с ней никто не желает, ибо не видит причин. Всё как в строках древних легенд. Гордыня, алчность, власть и жуткий, почти животный страх её потерять. Ничего больше, – скривился мастер, – поэтому Мариса наказали так сурово. Хотя, что именно двигало Гораном, когда он выносил приговор тебе, я до сих пор не понимаю...

– И всё же... – Эдван сглотнул, – зачем вы меня похитили?

– Чтобы спасти, разумеется, – усмехнулся мастер, – всё-таки в твоём изгнании есть моя вина. Тебе будет интересно узнать, что совсем недавно в твой дом вломились бойцы Когтя из семьи Джоу и перевернули там всё вверх дном. Двое из них, кстати, сейчас наблюдают за окнами с заднего двора.

– А...

– Твои вещи лежат в углу той комнаты, где ты очнулся. И нет, я их не рассматривал, хотя, признаюсь, было очень любопытно заглянуть в твоё любовное послание юной госпоже Морето, – с лёгкой улыбкой на губах поведал мастер.

– Спасибо, – тихо прошептал Эдван, вздохнув с облегчением. Он только что осознал, насколько сильно ему повезло. От одной мысли о том, что его могла взять в оборот семья Джоу, по спине пробегал холодок.

– Это мелочь, – отмахнулся мастер, – а действительно важно то, что через три ночи ты должен будешь покинуть город, – в мгновение ока он стал куда серьёзнее. – Я могу помочь тебе подготовиться, но за это я бы хотел получить ответы на некоторые вопросы.

Эдван внимательно посмотрел на мужчину в соседнем кресле. Его лицо было непроницаемым и холодным – таким же, каким оно было на их самом первом занятии. Мастер ждал его ответа совершенно спокойно, а парень, в свою очередь, пытался понять, есть ли у него вообще какой-то выбор. Где-то в груди начал образовываться ком обиды, но юноша усилием воли задавил его в зародыше. Выбора не было. Проклятые благородные получают его знания в любом случае! Всё, что он может решить, так это то, кому их передать: мастеру Ганну или бравым ребятам из клана Джоу. И что-то подсказывало парню, что второй вариант лучше не выбирать.

– Спрашивайте...

– Рад, что мы договорились. Для начала скажи, известно ли тебе что-нибудь о Башне Отверженных? – спросил мастер. Эдван отрицательно качнул головой, и мужчина, кивнув каким-то своим мыслям, продолжил: – Это руины древней башни, которые находятся на Плещи. Так называется холм, на котором она стоит. Поймёшь, когда увидишь, – пояснил он. – Это место является пристанищем для всех изгнанников. Ну, тех, кто остаётся в живых. По какой-то неясной причине твари избегают этих руин, и те, кому вынесена высшая мера наказа-

ния, обретаются там. Они добывают для города камни атры в обмен на еду. За стеной довольно трудно достать пропитание...

– И много ли изгнанников там живёт? – осторожно поинтересовался парень.

– Не очень, – жёстко усмехнулся мастер Ганн, – с буханки хлеба за камень особо не наешься. Тем, кто посильнее, удаётся протянуть от нескольких месяцев до нескольких лет, пока не убьют твари, товарищи или солдаты...

– Солдаты? – насторожился Лаут.

– За пределами стены запретов нет, – пожал плечами Ганн, признавая, что, по большому счёту, городские воины вольны делать что угодно с изгнанниками, – но обычно до убийства не доходит. Считается, что их существование хуже смерти, а потому и убивать нет смысла. К тому же они добывают камни атры. Проку от них, конечно, куда меньше, чем от местного месторождения, однако даже так изгнанники приносят пользу городу. Ты, конечно, не обязан туда идти... но это в любом случае лучше, чем просто слоняться по Туманной чаше в одиночку. По крайней мере, там ты сможешь отдохнуть. В каком-то смысле. На каком ранге ты сейчас? – внезапно спросил мастер.

– На шестом.

– Плохо, – скривился мужчина, – для первого года впечатляюще, конечно, но тебе нужно как можно скорее добраться до следующей ступени, если действительно хочешь выжить. Иначе... долго ты за стеной не протянешь. Даже там.

И без того шаткое моральное состояние Эдвана после слов мастера покатило к Первому. Вот и всё. Уроды из кланов подписали ему смертный приговор. К горлу подкатил тугой ком. Отчаяние постепенно захлёстывало его, всё глубже и глубже погружая в бездну. Руки опустились, от бессилия хотелось выть на чёрное небо. Перед глазами парня пронесли воспоминания о том роковом дне. Драка с Марисом, стычка с Чэнем. Лиза. Образ девушки, промелькнувший в голове, заставил юношу слегка улыбнуться. Он стал маленьким светлым пятнышком в непроглядной черноте будущего. Тем, ради чего он мог сделать кое-что ещё... и, конечно же, попрощаться.

– Мастер, – хриплым, почти безжизненным голосом позвал Лаут, – можно мне... увидеть Лизу?

– Увы, – покачал головой тот, – за главным корпусом наблюдает семья Джоу. Будет очень подозрительно, если я вдруг захочу увидеть её у себя в гостях. Мы всё-таки из разных кланов.

– Понятно...

– Однако я могу передать ей твоё послание. И отпрыску главной семьи тоже. Это ведь для него вторая тетрадь, верно?

– Да... – прошептал парень отрешённо. Мастер Ганн вздохнул.

– Хочешь, я похороню тебя? – спросил он, с насмешкой глядя на то, как ученик дёрнулся от его слов, будто от удара хлыстом. В ответ на вытянувшееся лицо юноши мужчина приподнял брови в притворном удивлении: – Или ты ещё не сдался?

Эдван не смог ответить. От лишь раскрыл рот в негодовании, набрал воздуха и тут же захлопнул его обратно, в бессильной злобе сжимая кулаки. Слова мастера ударили в самое больное место.

– Учти, просидеть месяц в моём подвале не выйдет, – как бы между делом добавил наставник, вновь наполняя свою чашку ароматным чаем, – ты пей, не стесняйся. Не отравлено.

Скрипнув зубами, Эдван опустошил чашку одним мощным глотком под насмешливым взглядом учителя. Горячая жидкость оказалась очень терпкой и слегка горьковатой на вкус. На удивление, чай помог. Словно вместе с этой противной водой из травы он сумел проглотить часть своих обид и немного взбодриться. Снова прокрутить в голове самый важный вопрос, который задал ему мастер. Сдался ли он? Как ни обидно было признавать, но сегодня он был, как никогда, близок к этому. Близок к тому, чтобы сломаться, сокрушаясь над незавидной судь-

бой. Но так ли он привык поступать? Да, его изгнали. Да, будет трудно и смертельно опасно, но разве это повод опустить руки? Нет. Эдван сделал глубокий вдох, на мгновение закрыл глаза и открыл их снова. Взглянул на мастера Ганна, и тот, увидев этот взгляд, одобрительно кивнул.

– Как мне выжить в Башне Отверженных? – задал вопрос юноша. Голос его был твёрд и полон решимости. Теперь он сделает всё возможное и невозможное, чтобы выжить. И стать сильнее.

– Рад, что ты очнулся, – усмехнулся мастер. – Увы, никаких тайн и секретов тут нет. Чем выше ранг, тем больше у тебя шансов. Я не знаток внешнего мира, скорее наоборот. Всё-таки я наставник, но из того, что мне известно по слухам... готовься драться за свои камни астры и место ночлега. Говорят, слабаки спят на улице, а это, сам понимаешь, небезопасно. Пусть твари и обходят башню, но... за стеной нельзя быть полностью уверенным.

– Полагается ли изгнанникам какое-то снаряжение?

– Нет. Но об этом не беспокойся. Я же говорил, что помогу, если ты, конечно, ответишь на мои вопросы...

– Тогда задавайте их поскорее, – сказал Эдван нетерпеливо и, усмехнувшись, добавил: – Пока меня ещё не вышвырнули из этого города.

Глава 34. Сфера концентрации атры

Мастер Ганн задумчиво поглаживал подбородок, глядя на носик старого чайника. Вот уже много лет он находился в поисках просветления, рылся в древних свитках и общался с хранителями знаний, собирая по крупицам ценнейшие сведения о природе атры и сосуде души. Кто бы мог подумать, что побывавший за гранью мальчишка за каких-то полчаса попросту перевернёт его представление о мире. А ведь старый пройдоха Шан Фан утверждал – нет, Творцом клялся, – что ничего, кроме одного несчастного слова, умения махать кулаками да знания языка пареньку не досталось. Конечно, он догадывался, что познания юноши о природе атры несколько глубже, нежели у других учеников, особенно после его блестящих ответов и прорыва за третий ранг, но не думал, что настолько.

– Значит, секрет преодоления начальной фазы кроется именно в прочности сосуда? – пробормотал мастер, всё так же глядя на чайник. Эдван медленно кивнул в ответ, хотя его ответа никто не ждал. Вопрос был риторическим. – Подумать только... – прошептал мужчина и грустно вздохнул, запрокинув голову к потолку. – Творец всемогущий, сколько талантов мы загубили...

– Никогда не поздно исправиться, – сказал юноша, чем вызвал у наставника ещё один тяжелый вздох. Слова ученика сильно задели его профессиональную гордость. Ведь Эдван не только показал, что знает невероятно много – нет, он доказал делом правдивость своих слов. Поднявшийся за столь короткое время до второго ранга, Алан с его расколотым сосудом был ярким тому подтверждением.

– Свои душевные раны я залижу позже, – с грустной усмешкой сказал мастер, – продолжай о второй ступени.

– Да я, в общем-то, уже почти всё сказал. Размер сосуда не так важен, как прочность его стенок и плотность атры внутри. Поэтому многие ученики никак не могут перешагнуть стену четвёртого ранга. Их сосуды недостаточно прочны, трещины постоянно расширяются, и атра вечно утекает наружу, оттого удерживать достаточное её количество в теле просто невозможно.

– А заставляя их растягивать сосуды, мы делаем только хуже... – со вздохом заключил мужчина.

– Именно. Если хотите, можете прочесть ту тетрадь, которую я оставил для Алана. Там описаны нужные техники...

– А в другой?

– Там... ну... – Эдван отвёл взгляд и немного замялся. По какой-то причине ему было немного стыдно говорить о тетради, которую он написал для Лизы.

– Не мнись, как невеста перед брачной ночью, – поморщился мастер, – твоё желание помочь подружке и дать ей возможность завоевать хороший статус в семье увидел бы даже слепой. Если тебе от этого станет легче, я не стану обучать им группу этого года. Но техники для зелёных сосудов посмотрю, – жёстко закончил мужчина тоном, не терпящим возражений. Его глаза при этом жадно заблестели, как будто он добрался до какого-то редкого и невероятно ценного сокровища, которое был готов заполучить любой ценой. Увидев этот взгляд, парень зябко поёжился. Всякое желание противиться словам наставника у него сдохло в зародыше.

– Мастер, – хрипло прошептал он, – пообещайте, пожалуйста, что передадите её Лизе... это очень важно. Там... не только техники для зелёных сосудов.

– Ты ещё смеешь во мне сомневаться? – слегка раздражённо ответил мастер, изогнув бровь.

– Н-нет, – вздохнул Эдван. Большого доверия к словам мужчины у него не было, но, увы, он ничего не мог поделать.

– То-то же, – хмыкнул учитель, – а сейчас, пожалуй, давай вернёмся к тебе и твоим проблемам. У меня, разумеется, ещё очень много вопросов, но нам обоим будет лучше, если я задам их после прочтения трактатов великого Хранителя знаний Лаута, – произнёс он, с усмешкой вспомнив кличку, которую дал парню Алан. – Так мы сэкономим драгоценное время. Скажу сразу: уйти тебе придётся послезавтра, желательно ранним утром.

– На день раньше? – удивился Эдван.

– Да, – кивнул мастер, – поскольку ты больше не попадаешь под защиту закона, то по истечении третьего дня с вынесения приговора с тобой могут сделать что угодно совершенно безнаказанно. Уверен, семья Джоу и, возможно, кто-нибудь из солдат, подготовят тебе тёплый приём за стеной, – Эдван поморщился, но наставник истолковал выражение его лица по-своему. – Вижу твоё недоверие, – покачал он головой, – но они действительно не станут сидеть там три дня и три ночи. Обычно изгнанники ждут истечения всего отведённого им срока. Мало кому хочется броситься в лапы смерти раньше положенного.

– Понятно, – угрюмо кивнул парень. С его точки зрения, учитель мыслил излишне оптимистично.

– О снаряжении я позабочусь, – продолжал меж тем Ганн. – Ничего серьёзного не обещаю, но обычного солдатского набора тебе должно хватить. А теперь, пожалуй, пришла пора нам с тобой договориться о... самом главном, – губы мужчины искривились в жёсткой усмешке.

Эдван тяжело вздохнул, понурился плечи. «Ну конечно, самое главное», – усмехнулся он про себя. Слова. Наивно было предполагать, что, возможно, лучший преподаватель академии по счастливой случайности или душевной доброте забудет вытянуть из него как можно больше доселе неизвестных в городе слов творца. И выбора, увы, уже не было. Несмотря на огромное нежелание снабжать столь могущественным знанием благородных уродов, ему придётся раскрыть их мастеру, и единственное, что оставалось делать в этой крайне паршивой ситуации, – это изо всех сил притворяться, будто он почти ничего не знает.

– Я их знаю не так уж много, – осторожно начал Эдван, но наставник быстро остановил его жестом и отрицательно помотал головой. С его лица при этом не сходила довольная ухмылка.

– Не нужно объяснений, я всё понимаю, – сочувствующим голосом произнёс он, – поэтому предлагаю тебе сделку. За каждое неизвестное городу слово, которое ты мне откроешь, я дам... – мастер на мгновение замолчал, прикидывая что-то в уме, – скажем, три камня атры. Мои запасы, конечно, не безграничны, но я сильно сомневаюсь в твоей способности опустошить их хотя бы наполовину. В любом случае, – Ганн развёл руками, – я не собираюсь настаивать. Если тебе вовсе не нужны камни, можешь просто сделать вид, будто не знаешь ни единого **нового** слова. Я сегодня очень доверчивый, – произнёс он и вновь ухмыльнулся, – что скажешь?

«А ты тогда сделаешь вид, что семья Джоу совершенно случайно оказалась во второй день по другую сторону стены, да?» – подумал про себя Эдван, исподлобья глядя в глаза наставнику. Его вновь поставили перед иллюзией выбора с довольно жёсткими условиями: либо он продаст слова мастеру по названной цене, либо уже семье Джоу, но вместо камней оплатой будут выбитые зубы и сломанные пальцы.

Словно прочитав его мысли, Ганн легонько покачал головой. Он смотрел на ученика с лёгкой насмешкой в глазах, как старый матерый кот глядит на рычание мелкого котёнка, и под давлением этого взгляда Эдван опустил глаза в пол. Ему стало стыдно. Наставник видел его насквозь, искренне желал помочь и старался выжать из сложившейся ситуации как можно больше выгоды. В конце концов, если бы мастер действовал только в интересах города, ника-

кого разговора по душам у них не состоялось бы. Всё закончилось бы куда быстрее и печальнее. Только сейчас юноша осознал это в полной мере.

Вот только легче от этого осознания не становилось. Пока учитель терпеливо ожидал его ответа, парень серьёзно задумался над тем, что ему говорить. Он знал довольно много Слов. В разы больше, чем было известно в городе. Да, далеко не каждое из них можно было применять повсеместно, а для боя подходила разве что пятая часть, но тем не менее они оставались словами творца. Крайне ценными и опасными знаниями, которые ему совершенно не хотелось передавать в чужие руки. Особенно в руки трёх семей. Вновь прокрутив в голове слова наставника, Эдван вдруг усмехнулся и хлопнул себя по лбу, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться над собственной глупостью. И как он сразу не заметил такой толстый намёк? «Сделай вид, что не знаешь ни единого **“нового”** слова», – так он сказал. Ну конечно! Никто ведь не знает, сколько их в его голове на самом деле! А значит, он обязан передать лишь те, которые уже показал, и, может быть, немного сверху для правдоподобности, а всё остальное лишь на его усмотрение.

– Я согласен, – хрипло сказал Эдван, с улыбкой глядя в глаза учителю.

Мастер кивнул и, положив на стол перед ним небольшую стопку бумаг, вновь опустился в плетёное кресло и принялся наблюдать за тем, как Эдван сосредоточенно выводит древние иероглифы.

Сам парень в этот момент усиленно раздумывал над тем, сколько слов поменять. Бесспорно, природные вместилища концентрированной энергии в кристаллах, в простонародье называемые камнями астры, были невероятно полезны для развития. Однако за стеной их использование станет довольно затруднительным. Для правильного поглощения энергии камня нужны особые техники и, что немаловажно, время. Эти условия делают поглощение сил из камня в дикой природе крайне небезопасным. К тому же, если его путь лежит в Башню отверженных, где эти самые камни добывают, брать с собой слишком много – довольно глупая затея. Либо от них не будет никакого толку, потому что вокруг будет полно камней, либо их у него просто отберут, чтобы продать обратно в город за буханку чёрствого хлеба. В то, что он сможет охранять своё имущество и днём, и ночью без перерыва на сон, парень не верил.

Прикинув в уме, сколько штук понадобится для прорыва на следующий ранг, парень продал мастеру семь слов творца. Часть из тех, которые он расшифровал ещё на старом занятии по магическим знакам, немного других, вспомогательных, и, разумеется, скандально известное слово грома. Отрывать от сердца один из самых главных своих козырей Эдвану было труднее всего. Единственное, что его утешало, – это то, что во всём городе проживало не так уж много людей, способных нарисовать его чистой астрой в воздухе достаточно быстро.

– Это всё? – уточнил мастер, удивлённо приподняв брови. – Тебе больше не нужны камни?

– Увы, больше никаких слов мне не известно, – ответил юноша, поклонившись, и улыбнулся мастеру.

Несколько долгих мгновений тот рассматривал слегка обнаглевшего ученика, чем заставил последнего изрядно понервничать, после чего вдруг усмехнулся и, пожелав удачи с прорывом к седьмому рангу, удалился.

Стоило двери захлопнуться за спиной наставника, как Эдван сгрёб в охапку камни и направился в дальнюю комнату – туда, где очнулся после похищения. Для его нужд она подходила идеально, из-за размеров и полного отсутствия мебели. Раз уж он решил прорываться на следующий ранг, нельзя было обойтись без особых техник.

«Интересно, а какие техники знают тут для использования камней? – подумал Эдван, вынося из комнаты кучу одежды, которая до сего момента лежала в углу у двери. – Надо будет спросить у мастера...»

Поскольку в академии им никогда не показывали камни атры из-за их дороговизны, Эдвану захотелось узнать техники местных по обращению с ними. Вдруг они используют какие-то особые магические знаки или медитации, лучше трёх основных способов, с которыми он был знаком.

Первый, самый простой, назывался медитацией над камнем и не требовал никаких особых условий или умений. Достаточно было просто нанести на руку чем-нибудь слово поглощения и погрузиться в медитацию, спокойно вытягивая атру из кристалла. Однако заниматься обычной медитацией над камнем у Эдвана не было ни времени, ни желания. Слишком медленно.

Второй способ, которым он сейчас и собирался воспользоваться, назывался сферой концентрации атры. Это довольно сложная техника, для которой одарённому требовалось минимум семь камней атры, а лучше – больше, но общее число обязательно должно быть кратно семи. Сложной она считалась потому, что с каждой следующей семёркой камней менялся весь её рисунок, и чем больше их становилось, тем мудрёнее техника. Эдван знал девять уровней сферы, но с его шестым рангом замахиваться на что-либо выше третьего было равносильно самоубийству. Он и так немало рисковал, но того требовала сложившаяся ситуация. В конце концов, не каждый день возникала жизненная необходимость за сутки прорваться к следующему рангу.

Был, конечно, и третий вариант. Так называемый путь прорыва, но... думать о нём раньше вершин второй ступени не стоило. Существовали более лёгкие способы самоубийства.

Тяжело вздохнув, Эдван взглянул на горку камней, которую сгрузил на пол комнаты, и приступил к подготовке. Сложить сферу концентрации третьего уровня, к счастью, было не так уж сложно. Немного неприятно и муторно, но ничего запредельного тут не требовалось. Вначале на относительно ровной и твёрдой поверхности нужно выложить круг из восьми камней так, чтобы расстояние от центра до края было примерно равно длине вытянутой руки. В каждой точке. Для этого юноша пошёл на хитрость – он положил в центр комнаты один из камней, а другие начал раскладывать вокруг, время от времени припадая к полу плечом, чтобы проверить, точно ли определил расстояние. Закончив с первым этапом, Эдван забрал камень из центра и, покинув фигуру, придирчиво её осмотрел. Убедившись, что получилась она более-менее ровной, он довольно хмыкнул, поднял оставшиеся кристаллы с пола и забрался внутрь.

Усевшись в самом центре круга, он высыпал оставшиеся камни рядом с собой, сделал глубокий вдох и, прокусив подушечку пальца, начал выводить на полу перед собой слово сбора. Этот короткий иероглиф использовался везде, чтобы стягивать атру из окружающего пространства и направлять в место, на которое был нанесён. Например, в магический светильник, что висел под потолком.

Правда, писал Эдван по-особенному. Его густая, алая кровь чуть светилась от атры, которую юноша щедро вливал в неё, а само слово он выводил не полностью, а с пробелами в нужных местах. Там, где потом будут лежать камни. Закончив, он с величайшей осторожностью развернулся, чтобы ненароком не повредить только что написанное слово, и принялся выводить на полу позади себя три особых символа. Те самые знаки, которые были основой всей техники, выделяя её среди прочих. Их количество и расположение менялось вместе с уровнем сферы.

Как только со знаками было покончено, Эдван поместил по одному камню атры в центр каждого символа, осторожно развернулся к слову творца перед собой и принялся затыкать в нём пробелы оставшимися кристаллами. И лишь чудом сумел удержать себя от фатальной ошибки, в самый последний момент отдернув руку, за мгновение до того, как камень встал на место последнего пробела. Сглотнув, юноша сделал глубокий вдох и скрипнул зубами от злости.

– Хвала Творцу, заметил, – проворчал он, стягивая с себя куртку, и метким броском отправил её через дверной проём в соседнюю комнату. Закрыв глаза, он несколько раз глубоко

вдохнул, успокаиваясь, и вновь придирчиво осмотрел всю фигуру на полу. Лишь убедившись, что больше оплошностей не допустил, Эдван положил последний, пятый, камень, завершая рисунок.

В тот же миг свет, что исходил от кристаллов, начал усиливаться. Счёт пошёл на секунды. Разодрав ранку на большом пальце, парень быстро нарисовал на груди у шрама слово сбора, подхватил оставшиеся камни и принялся шустро, но всё-таки довольно аккуратно, класть их прямо на себя. Один на макушку, по одному на каждое колено и плечо. Стоило последнему кристаллу встать на нужное место, как воздух вокруг парня стал заметно теплее, а свет, исходящий от камней, вновь усилился, словно каждый из них превратился в маленький фонарь.

Эдван закрыл глаза и замер неподвижной статуей, изо всех сил пытаясь успокоить пульс и дыхание. Сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет наружу. В горле пересохло. С дикой смесью страха и нетерпения парень ждал момента, когда сфера концентрации наконец войдёт в силу. Он предельно чётко знал, что ему предстоит испытать, и сейчас чувствовал себя как преступник, что стоит на коленях в ожидании удара плетью. Палач уже замахнулся, всё нутро сжалось в предчувствии, что оно вот-вот придёт. То самое мгновение, которое длится целую вечность.

И вот – случилось. Жар усилился, дышать стало трудно. Воздух вдруг стал каким-то тяжёлым и вязким, словно смола, а затем... явилось давление. Невидимая сила безжалостно обрушилась на него, словно могучий сапог на крохотного муравья, заставляя мышцы затвердеть до судорог, а вены вздуться от напряжения. И в этот же самый миг вместе с давлением в сосуд души ворвался могучий поток астры. Плотной и сырой. Слово творца на груди горело огнём, словно клеймо, стенки сосуда тряслись под напором неуправляемого гейзера силы, которая всё вливалась и вливалась внутрь...

Стиснув зубы до скрежета, Эдван с огромным трудом пытался направлять непослушную энергию туда, где она была нужнее всего. Заполнял ею тело, пускал поток в дрожащие стенки вместилища и изо всех сил сжимал её внутри, сдерживая поток, что рвался сквозь трещины прочь. Тело горело так, словно его пытались сварить заживо, а давление всё росло и росло, заставляя кости трещать от напряжения. Никогда в жизни ему ещё не приходилось испытывать такого мощного натиска астры. Помынув про себя Первого, парень запоздало подумал, что, возможно, не стоило замахиваться на третий уровень сферы, но... назад уже не отыграешь.

Эдван давным-давно потерял счёт времени. Минуты, которые в самом начале этой невероятной мерзкой пытки ползли медленно, словно раненые улитки, давно перестали иметь для парня хоть какое-то значение. Он больше не поминал Первого и даже ни о чём не думал. Всё его сознание было сосредоточено на непрекращающейся борьбе с чудовищным давлением, которое оказывало на него его собственное творение. Атра, которую он с таким трудом сжимал внутри сосуда, давила на стенки, медленно расширяя их. В какой-то степени это, наверное, было даже похоже на преодоление первой ступени, с тем лишь различием, что держать энергию под контролем было в разы тяжелее. Её было не просто много, а очень много, и вся она врывалась внутрь сосуда неуправляемым ураганом, с каждой волной угрожая смять его, раздуть и порвать, словно мыльный пузырь.

Появление седьмого кольца на внутреннем вместилище стало для Эдвана очередным суровым испытанием. Преодоление этого рубежа заставило его голову содрогнуться от чудовищного грохота, словно он прошиб ею какую-то прочную стену. Всё тело пронзило резкой вспышкой боли, как от удара хлыстом, и в этот пиковый момент напряжения парню стоило настоящему титаническим усилием удержать контроль над той астрой, что всё ещё бесновалась в сосуде. Отпусти он её хоть немного, поддайся хоть на миг – и новых трещин было бы не избежать.

После преодоления критической точки Эдван смог вздохнуть чуточку свободнее. Давление сферы ослабло, сосуд души теперь изрядно вырос в объёме, а могучий поток астры немного

истончился и уже не представлял для него столь серьёзной угрозы. Да, расслабляться было ещё рано. Энергия всё ещё врывается в его тело, по лицу градом катился пот, а мышцы закаменели от напряжения. Однако наивысшая точка была пройдена. Осталось лишь дотерпеть до конца.

Тягостные минуты пытки развития тянулись одна за одной, поток атры всё заметнее ослабевал до тех пор, пока не иссяк окончательно. Ушло давление, с громким хлопком в закупоренные уши ворвался звук. Разгорячённое, измученное тело до озноба обдало прохладой. Из груди Эдвана с хрипом вырвался воздух, а затем так же втянулся обратно. Он сделал жадный, глубокий вдох, от которого закружилась голова.

С трудом пареньё разлепил глаза. Шея всё ещё дрожала, не в силах толком расслабиться после столь длительного напряжения. Он с трудом приподнял затёкшую, кажущуюся чужой руку и обомлел. Та была вся в густой, тёмной крови, которая медленно капала на штаны и деревянный пол. Голова закружилось, сознание помутилось, и Эдван, покачнувшись, рухнул на спину и распластался на полу. Под мокрой спиной с хрустом раскрошились опустевшие камни атры, а те, что лежали на голове и плечах, разлетелись по углам комнаты. Без энергии внутри они стали хрупкими, как тончайшее стекло.

Перед глазами всё плыло, магический светильник на потолке казался размазанным далёким белым пятном в бесконечной тьме. Пропали звуки. Его губы искривились в слабой усмешке, дрожащей рукой он потянулся к животу и отёр кожу. Почти без участия сознания нанёс туда слово жизни и, стиснув зубы от боли, влил немного атры. Приятная прохлада начала распространяться по телу.

– Получилось... – хрипло проговорил он и громко закашлялся, сплёвывая кровь на пол рядом с собой. – Получилось... – проговорил он вновь и беззвучно рассмеялся. Вновь закашлялся и, чуть успокоившись, устался в потолок, где размытым далёким белым пятном висел светильник. Голова Эдвана была пуста, мыслей там не осталось. Прележав так несколько невероятно долгих мгновений, он сам не заметил, как заснул. Измученный организм наконец истребовал заслуженный отдых. В конце концов, нечасто доводится сжимать месяцы упорных тренировок в одну-единственную бессонную ночь.

Глава 35. Прощание

Ночную тишину нарушал лишь тихий стрёкот цикад, живущих на деревьях у тренировочных площадок. Академия спала, а вместе с ней и город. Россыпью маленьких путеводных огоньков горели магические светильники вдоль улиц. Не будь их здесь, и в чернильно-чёрной тьме ночи нельзя было бы рассмотреть даже собственных рук. Глубоко вздохнув, Эдван втянул прохладный ночной воздух и встрепенулся, прогоняя остатки сна. Увы, вдоволь выспаться перед дорогой ему не удалось, и теперь юноша мысленно готовился к тому, что вновь сомкнуть глаза ему посчастливится в лучшем случае через несколько дней, в Башне отверженных.

И всё же, несмотря на то, что совсем скоро ему предстояло навсегда покинуть город, Эдван не чувствовал ни тревоги, ни страха. События последних дней уже уложились в голову и не вызывали столь яркого отклика, как раньше. Желания проклинать несправедливость судьбы и молить Творца о прощении отчего-то больше не возникало, и даже предстоящая схватка со смертью не вызвала в его душе никаких чувств. Он оставался спокоен и холоден, как и эта ночь. Последняя его ночь в городе.

«Должно быть, от мастера подхватил», – усмехнулся Эдван, оценивая собственные чувства.

Позади скрипнула дверь, но юноша не обернулся, вместо этого в последний раз проверив снаряжение. На бедре висел самый настоящий топорик, выкованный из лучшей стали клана Морето, – подарок мастера Ганна за секрет сферы концентрации атры. Оказалось, наставник не на шутку перепугался, когда почувствовал, как вся энергия с округи стекается к подвалу его дома и бушует там, подобно шторму в бутылке. Только опыт, невероятное любопытство и железно вбитое в голову правило: никогда не вмешиваться в незнакомые техники удержали его от того, чтобы прервать Эдвана. Как потом признался мужчина, внезапно хлынувший изо всех пор юноши кровавый пот едва-едва не заставил его изменить принципам.

Убедившись, что топор крепко сидит в петле на поясе, парень невольно провёл рукой по грубой ткани куртки. Ощущения были довольно непривычными – ведь теперь на нём красовались самые настоящие боевые одежды. Точно такие же, какие носили десятники гарнизона. Не форма бойцов Когтя, конечно, но тоже далеко не простые тряпки. На спине висел рюкзак из кожи дикого быка. С бурдюком воды, припасами и полезными мелочами, которые он проверял множество раз. Ощупав его дно, рука скользнула на пояс с левой стороны. Нож тоже был на месте. Остался лишь последний штрих.

– Готов? – спросил подошедший мастер, протягивая ученику копьё. Самое обычное, какое стояло на вооружении у сотен бойцов гарнизона. Конструкция, что была стара как мир и так же надёжна.

– Да, – сглотнув, ответил Эдван. Стоило его пальцам сомкнуться на древке, как ледяное спокойствие дало трещину, а перед глазами тут же мелькнул образ огромного медведя. Парень вздрогнул, по спине пробежали мурашки, но он лишь крепче сжал в руках копьё и, стиснув зубы, произнёс: – Готов.

Само наличие копья в руке будоражило проклятые воспоминания из ночных кошмаров, оживляя в голове страшные картины. Клыкастая пасть, стальные когти, что смыкаются на сердце, и липкий страх, поднимающийся из глубин души. Он ненавидел в себе эту слабость, которая смогла за одно мгновение погубить весь его спокойный настрой, и потому лишь сильнее сжал злосчастное древко, искренне надеясь, что вскоре страх уйдёт. По крайней мере, ему уже удавалось прятать эмоции за маской покоя, а не трястись, подобно пшеничному колоску на ветру.

– Идём, – тихо произнёс мастер, шагая вперёд. Угрюмо кивнув, парень последовал за ним.

Они двигались тихо, почти бесшумно – словно две незримые тени проскочили по пустым улицам академии до самой дальней тренировочной площадки, где в мгновение ока преодолели стену, очутившись в каких-то трущобах. Ночной город казался Эдвану незнакомым, чужим местом, словно это был какой-то другой, новый и неизведанный мир, полный своих тайн и загадок. В немногочисленных окнах домов виднелся белый свет магических ламп и простых лучин, и мимо этих окон они проскальзывали особенно осторожно. Словно воры, идущие на дело, проносились они незримыми теньями сквозь переулки. Мастер вёл его по длинному, запутанному маршруту в глубины трущоб, и лишь по синему ромбу на промелькнувшей рядом двери, слабо освещённой светильником атры, Эдван понял, что они забрались на территорию клана Линн.

Мастер Ганн довёл ученика до неприметного здания, что стояло вплотную к городской стене, обошёл его с левой стороны и, дотронувшись до неприметного выступа на оконной раме, открыл тщательно спрятанную за кучей старого хвороста дверь. Эдван без лишних вопросов скользнул внутрь. Спустившись в подвал ветхой халупы, они оказались вплотную к основанию стены, миновали узкий коридор, в который Эдван с трудом протиснулся со своим рюкзаком, пошли по длинному, извилистому ходу и, наконец, очутились в надёжно запертом подвале небольшого сарайчика, что стоял посреди полей на земле клана Линн.

– Теперь наш путь лежит к южным воротам, – сказал мастер, когда они вышли наружу.

– Я уйду открыто? – переспросил Эдван.

– Всё ещё сомневаешься во мне? – с лёгкой насмешкой в голосе переспросил мастер.

– Нисколько.

– Тогда следуй за мной. Бояться нечего.

Они двигались бегом, но не слишком быстро. Вдалеке массивным чёрным порогом виднелась стена. Эдван различил её не сразу, а лишь после того, как с вершины холма углядел у самого горизонта тонкую, еле заметную белую линию, над которой небо сменило цвет с чернильно-чёрного на тёмно-синий, создавая тонкий, почти незримый контраст. Когда же они достигли южных ворот, оно и вовсе стало серо-синим, а глаза наконец начали различать окружающий мир без помощи светильников атры. Ночь постепенно уступала свои права раннему утру.

– Ждём здесь, – сказал мастер, взмахом руки поприветствовав воинов на стене. Они остановились в сотне шагов от ворот, прямо на дороге. Эдван хотел было узнать, зачем они встали, но передумал. Он доверял учителю, и не было никакого смысла отвлекать его глупыми, раздражающими вопросами.

Прошло около получаса. Небо продолжало медленно светлеть, но всё ещё оставалось довольно тёмным, а Эдван начал немного нервничать, но не подавал виду. Мастер молчал. И вот на дороге показалась фигура солдата. С копьём и походным рюкзаком, похожим на тот, что носил юноша. И чем ближе подходила фигура, тем сильнее хмурился Эдван, и тем паршивее становилось его настроение. Ещё бы. Дорогой доспех с яркими рыжими вставками не заметил бы только слепой.

– Не скрипи зубами, – сказал мастер, не оборачиваясь, – ты не единственный мой талантливый ученик.

Эдвану оставалось лишь глубоко вздохнуть и попытаться успокоиться. Получалось не очень: из груди сама собой невольно поднималась волна гнева. Вся ненависть к высокомерным уродам из кланов, которую он старательно подавлял те два дня, что находился в подвале у мастера Ганна, словно обрела физическое воплощение в лице человека, который сейчас вышагивал по дороге в их сторону. Второй изгнанник – Марис Морето.

Впрочем, неприязнь эта была на редкость взаимной. Стоило бывшему наследнику великой семьи заметить фигуру злейшего врага рядом с наставником, как его и без того крайне паршивое настроение пробило второе дно. Глядя на Лаута, сын градоначальника громко заскри-

пел зубами, весь сжался и приподнял плечи, нахохлившись, будто молодой коршун. Хвост туго стянутых рыжей лентой волос воинственно дёрнулся на его голове.

– Что эта чернь тут делает? – подойдя достаточно близко, крикнул он вместо приветствия, чем изрядно разозлил обоих встречающих.

– Ты теперь тоже чернь, так что заткнись и прояви уважение, – холодно процедил мастер Ганн. От его тона у обоих парней по спинам пробежали мурашки. Прикусив язык, Эдван проглотил рвущийся наружу ответ высокомерному засранцу. Прозрачный намёк наставника он уловил и больше возникать не собирался, хоть его отношение к Марису и не изменилось.

– Прошу прощения, мастер, – согнулся в поклоне бывший благородный, – приветствую вас.

Ганн лишь кивнул, бросил короткий взгляд на ворота за их спиной, после чего резко развернулся в сторону поля и сурово нахмурился. Атра вокруг него стянулась в тугую воронку, а воздух вокруг ощутимо похолодел и задрожал так, что это было заметно даже в предрассветных сумерках.

– Думаешь, тебе удастся от меня скрыться?! Выходи! – рыкнул он, глядя на дорогу. Голос мужчины звучал, словно раскаты грома. Марис выглядел очень удивлённым, а Эдван, наоборот, ещё больше разозлился на тупицу, который не сумел заметить слежки за собой.

Меж тем из высокой травы на дорогу выползла фигура и, замерев под тяжелым взглядом мастера, подняла руки вверх, сдаваясь на его милость. Наставник раздражённо выругался, пройдясь по всему дереву клана Морето до самого основателя, от которого, видимо, все его члены и унаследовали неизлечимый зуд чуть ниже спины. Сердце Эдвана, напротив, затрепетало, а Марис громко скрипнул зубами от злости – ведь человеком, который проследовал за ним от самого поместья семьи досюда, была виновница всех его злоключений – Лиза. Та, кого он ненавидел чуть ли не так же сильно, как проклятого выскочку-простолюдина.

– Ну, и что ты тут забыла? – холодно процедил мастер. – Я ведь ясно дал понять, что мы должны были уйти тайно.

– Я... – робко начала она, но затем решительно нахмурила брови и смело посмотрела мастеру прямо в глаза, – я хочу попроситься лично, а не через третьи руки.

Несколько секунд мужчина смотрел на неё, а девушка всё не отводила взгляда. Вздохнув, наставник махнул рукой ученику.

– У тебя минута.

Как только слова слетели с его губ, юноша тут же сорвался с места. Он шагал так быстро, что, казалось, практически не касался земли, словно парил над ней, за несколько мгновений достигнув нежданной гостыи. Впрочем, для него это была невероятно приятная неожиданность.

В утренних сумерках её лицо обрело загадочные черты, отчего в глазах Эдвана оно становилось лишь прекраснее. Ещё там, на пороге дома мастера, он мысленно попрощался со всеми друзьями и теперь, увидев ту, с кем хотел встретиться больше всего на свете, жадно запоминал каждую мелочь, изо всех сил стараясь запечатлеть её образ в памяти как можно ярче. Её синие глаза, острые скулы, улыбку на губах... Он смотрел на неё и не мог насмотреться. Вспоминал слова, написанные им в конце тетради, и невольно краснел, а сердце в груди стучало всё громче и громче.

Лиза улыбалась ему, но в уголках её глаз блестели слёзы. Она тоже не могла подобрать слов, чтобы хоть как-то выразить всё, что чувствовала, после того как получила эту небольшую тетрадь. Подарок, который станет её билетом в свободное будущее. Подарок от человека, который успел стать для неё ближе всех в этом городе, и которого она, увы, больше никогда не увидит. В её душе бушевал настоящий ураган чувств.

– Я... рад, что ты пришла, – начал парень неловко. – Надеюсь, те техники, они... – позади выразительно кашлянул мастер Ганн. Времени было мало, они слишком долго смотрели друг на друга.

– Ты мне тоже очень нравишься, Эдван, – шёпотом выпалила Лиза, – спасибо тебе... за всё, – произнесла она, одним быстрым шагом преодолела разделяющее их расстояние и прильнула к его губам, отчего сердце парня едва не остановилось. Этот короткий, неловкий поцелуй длился всего два мгновения, но для обоих они показались самыми долгими и самыми радостными в жизни, навечно врезаюсь в память.

Оправившись от ошеломления, Эдван крепко обнял её, прошептал на ухо несколько слов прощания и, нехотя отпустив, направился обратно к мастеру, который уже начал терять терпение. В голове у парня царил полная неразбериха, дикая смесь из безумного счастья от того, что его чувства оказались взаимны, безмерного горя от расставания и опьянения от первого в этой жизни поцелуя. Лишь живительный подзатыльник мастера вернул его с небес на презренную землю, заставив вновь внимать окружающей действительности.

– Время пришло, ученики, – начал мастер серьёзным тоном. Оба парня подобрались. – Совсем скоро вам предстоит столкнуться с жестокостью этого мира, и лишь от вас зависит, переживёте ли вы это. Послушайте меня внимательно. Я хочу, чтобы вы запомнили кое-что очень важное. Взгляните на эту стену, – сказал мужчина, указывая рукой на огромное сооружение за их спинами, – её возвели люди, чтобы отгородиться от мира, спасти слабых соплеменников и свои жалкие жизни. Земля, холмы, даже поле – всё это было здесь до неё и будет после того, как она рухнет и растворится в реке веков. Ни одна защита не простоят вечно. Она рухнет от чужой руки, лапы или от влияния времени. Прятаться бесполезно. Этот мир уважает лишь силу и только её. Не крепкие стены, не острый ум, не изворотливость. Только силу. Помните это, боритесь до конца и проживите так долго, как только сможете. И пусть Творец хранит вас!

– Спасибо, мастер, – согнулся в поклоне Эдван. Вслед за ним то же самое проделал Марис.

И пока ученики гнули спины, не видя его, мастер тепло улыбнулся, затем смахнул несуществующую слезу, натянул на лицо свою надменную маску и громким рыком велел им обоим проваливать отсюда.

Тотчас же парни рванули к воротам, быстро взбежали по лестнице на стену, коротким кивком поприветствовали солдат, что молчаливо стояли здесь на часах, и сиганули вниз, покидая город. И если Марис спрыгнул без всяких сожалений, то Эдван задержался на пару мгновений, бросив последний взгляд на Лизу, после чего тоже перемахнул через острые брёвна и, подав атру в ноги, приземлился на мятую траву. К этому времени бывший благородный уже успел умчаться куда-то вперёд. Тяжело вздохнув, юноша поспешил следом. Не стоило надолго задерживаться у стен в одночасье ставшего враждебным города...

В этот же самый миг наставник безмятежно смотрел в светлеющее небо, искренне желая ученикам выжить, несмотря на то, что особой надежды на столь благоприятный исход он не питал. Что ни говори, а мир за стеной был действительно суровым и недружелюбным местом. Впрочем, прежде чем они столкнутся со всей его жестокостью, он, как учитель, должен был исполнить свой последний долг. Вздохнув, мастер развернулся и посмотрел на Лизу, которая стояла в нескольких шагах от него. Умная девочка. Талантливая. А с тем наставлением, которое она получила от Лаута, эта юная bestия имеет все шансы превзойти даже леди Джину, ныне сильнейшую женщину в клане Морето. Жаль только, что это очаровательное дарование оказалось не лишено подростковой глупости. А ведь всё могло пройти так гладко... Грустно покачивая головой, мужчина обошёл Лизу и остановился перед ней, как бы закрывая собой. Он вновь смотрел на поле и хмурился.

– Знаешь, почему я запретил тебе видеться с Лаутом? – тихо спросил он. Времени на ответ, однако, у девушки не осталось. Подул ветер, зашелестели колоски, мелькнули смазанные тени в воздухе, и громоподобный голос мастера вновь разнёсся над полем: – Ни шагу дальше!

Четыре тени, которые уже понеслись было вдоль стены в сторону Башни, резко затормозили, когда на их пути вдруг оказалась преграда. Лиза растерянно вертела головой, не в силах понять, куда вдруг пропал мастер. А обнаружив его в сотне шагов от себя в компании бойцов Когтя, лишь ойкнула и от ужаса прикрыла рот ладошкой. Теперь она поняла, почему он был так недоволен её приходом.

– Ганн? Кто дал тебе право останавливать нас? Прочь с дороги! – недовольно прорычал лохматый здоровяк с раскосыми глазами. Он был главным в той группе, путь которой перегородил мастер.

– И не подумаю.

– Покрываешь изгнанников?! – в голосе здоровяка проскользнула угроза.

– Я лишь провожал их в последний путь, – спокойно ответил мужчина, сложив руки за спиной. Его лицо застыло надменной гипсовой маской, а неизменный чёрный халат растрепался на ветру. Он вёл себя так, словно его совершенно не волновал недружелюбно настроенный отряд бойцов Когтя, но воздух вокруг него дрожал, выдавая жуткую концентрацию силы. – Негоже могучим членам Когтя нападать на младших.

– Не тебе обсуждать приказы главы, – парировал благородный.

– Аро, это же мастер Ганн, – мягко вклинился в разговор один из бойцов, как бы намекая своему командиру, что с уважаемым мастером можно и помягче.

– Смотря о каком главе идёт речь, – многозначительно ответил мужчина, не обратив внимания на заступничество. Здоровяк раздражённо дёрнул щекой.

– Воля патриарха Джоу, главы одного из клана основателей и нового главы города, – закон для тебя, вассал семьи Линн, – наставительно произнёс Аро, погрозив мастеру пальцем, – не забывай своё место. Только из уважения к тебе, как к известному наставнику, мы забудем это маленькое недоразумение. Идём! – здоровяк махнул рукой своим и сорвался было с места, но мастер вновь преградил ему путь.

– Ещё шаг, и ты больше никогда не сможешь ходить, – безмятежно улыбаясь, произнёс учитель, словно это была самая безобидная фраза, на которую он только способен.

– Ты что, заразился от простолоудина?!

– Аро, не стоит... – попытался вразумить товарища другой член Когтя. Здоровяк сдержал оскорбление, готовое сорваться с его языка.

– Ваши угрозы пусты, мастер, – внёс свою лепту третий, снисходительно улыбнувшись мужчине в чёрном халате, – мы действуем по приказу главы, и нас четверо. На что вы надеетесь?

– Только глава города имеет право напрямую приказывать Когтю, – совершенно спокойно парировал мастер. – И лишь его приказы я исполняю. Ты правильно заметил, я член семьи Линн. И до хотелок толстяка Ли мне нет никакого дела, ибо пока что, – мужчина криво усмехнулся, – он ещё не глава.

– Клянусь, ещё одно слово, и я...

– И что? – жёстко перебил его мастер Ганн. – Нападёшь на благородного в городских стенах? – подняв правую руку к лицу, вкрадчиво поинтересовался он. Ладонь мужчины при этом была покрыта бегущей водой, словно тонкой перчаткой, а между указательным и средним пальцем образовалась крупная капля насыщенного лазурного цвета. Увидев её, двое из бойцов Когтя невольно отшатнулись.

– Ты много на себя берёшь, мастер, – прорычал Аро, оставаясь на месте. Он не видел, как испугались двое товарищей за его спиной, и был слишком зол, чтобы обращать внимание на такие мелочи. – Уйди с дороги. Это приказ.

– Кто ты такой, чтобы приказывать мне, щенок? – с презрением процедил сквозь зубы мастер с лицом настолько надменным, насколько это вообще было возможно. Воздух вокруг него ощутимо похолодел, повеяло странной свежестью, а бойцы вокруг здоровяка почувствовали на плечах давление.

Но взбешённый Аро не обратил на это никакого внимания, он взревел и рванулся к непокорному учителю, намереваясь обрасти камнем и преподать тому урок, но не успел даже призвать свой контракт. Стоило ему только дёрнуться, как очертания ладони мастера смазались, а живот здоровяка пронзило жуткой болью. Хлынула кровь. Миг, и чужой сапог с грохотом впечатался в грудь бойца, словно копыто дикого быка, отправляя грузное тело Аро в полёт. Ударная волна была настолько сильной, что отбросила оставшихся вояк на несколько шагов. А через пару мгновений вдалеке раздался глухой удар – то здоровяк рухнул наземь, сминая своей тушей пшеницу.

– Есть ещё желающие броситься в погоню? – холодно уточнил мастер, глядя на ошетилившихся оружием воинов. – Советую убрать железки – они вам не помогут.

– Тебе это с рук не сойдёт, Ганн, – процедил тот, который совсем недавно пытался убедить его сдаться.

– Что не сойдёт? – лицо мастера исказила жёсткая усмешка. – Самооборона? Не обманывайся. В этом городе есть только один человек, который может мне приказывать. И это не толстяк Ли, и даже не мой уважаемый глава Агар. А теперь забирайте своего кабана и проваливайте. Без слова жизни он может и умереть.

Несколько долгих мгновений эти трое буравили его злобными взглядами, пока боец, который ранее всё пытался вразумить здоровяка, не отправился помогать раненому, а двое оставшихся, выругавшись себе под нос, не последовали за товарищем.

– Да... похоже, прав был Горан. Время от времени нужно напоминать о себе. Совсем уже молодёжь распустилась... – проворчал мастер и, тяжело вздохнув, неспешным шагом направился к ожидающей его Лизе.

Глава 36. Первая кровь

Городская стена исчезла из виду, спрятавшись за пологими холмами огромной равнины, и лишь верхушка Железной горы, в недрах которой клан Морето добывал свою руду, напоминала о том, что путники всё ещё находятся в относительно безопасных окрестностях города. Однако эта безопасность обманчива. Стоит небу полностью просветлеть и обрести, наконец, свой насыщенный голубой цвет, как солдаты выйдут на обход. И изгнанникам лучше не попадаться им на глаза.

Особенно бывшему благородному. Мало какой простолюдин откажет себе в удовольствии поиздеваться и вдоволь насладиться страданиями наследника великого клана, который больше не попадает ни под защиту своей семьи, ни под суровые законы города, где за убийство светит изгнание. Увы, теперь Марис был всего лишь отбросом, и жизнь его больше ничего не стоила. Именно поэтому, наверное, он так спешил оказаться подальше от стен.

Фигура юноши в доспехах давным-давно превратилась для Эдвана в крохотную точку на огромном зелёном ковре холмистой равнины, раскинувшейся до самого горизонта, где виднелся слегка размытый силуэт их цели. Ледяной пик, на склоне которого расположилась Башня отверженных. Сейчас он был настолько мал, что, казалось, мог бы уместиться на ладони юноши, и даже так размеры его поражали воображение. Ведь если гору было столь хорошо видно с такого огромного расстояния, то какой же громадиной она должна быть вблизи! Несмотря на незавидное положение, Эдвану всё же хотелось добраться до неё и вживую увидеть это чудо природы, а может, даже взобраться на вершину, чтобы потрогать самый настоящий снег, который для парня существовал лишь на страницах древних легенд и сказок.

Вздыхнув, он отбросил глупые мечты и вернулся с небес на землю. Всё-таки сейчас было не самое подходящее время для проявления легкомыслия. Многие солдаты нашли так свой конец – попросту не вовремя задумавшись. Послышался еле слышный шорох, и Эдван тут же замер. По спине пробежал холодок, парень намертво вцепился в копьё, внимательно оглядел заросли высокой травы, которая густо укрывала склон холма, по которому он сейчас спускался. Вокруг было тихо, безмолвно, трава не шевелилась. Выждав несколько долгих, тягостных мгновений, он выдохнул с облегчением – показалось. Пошуршав копьём в траве на всякий случай, юноша продолжил путь, крепко задумавшись над тем, какую дорогу к цели ему всё-таки выбрать. Напрямик, по равнине, где он будет словно на ладони, либо по краю Туманной чащи, тянувшейся тонкой чёрной полоской справа вдоль горизонта, где живут все самые опасные твари, но легче спрятаться.

Всё своё детство Эдван провёл у самого ущелья Ша-Суул, в тех местах, куда никто из городских жителей не отважился бы сунуться даже под страхом смерти. Он прекрасно знал все опасности того леса, знал его обитателей и чего от них ждать, их повадки и тайные тропы, и именно поэтому решил сейчас остаться на равнине. Предпочёл мягкой тени деревьев и прохладному туману широкое открытое пространство с высокой травой. Просто потому, что этот лес был ему незнаком. Он сравнивал его с родными местами и понимал, что простых рассказов городских охотников недостаточно для выживания в тесном соседстве с тварями. Сожрут и не заметят. При таком раскладе куда предпочтительнее быть с врагом в равных условиях. К тому же даже здесь можно было легко затеряться в зарослях высокой травы, на дне оврага или у ручья, и таким образом избежать прямого столкновения с хозяевами равнин – стадами копытных.

Вдалеке послышался какой-то звук, и юноша, толком не разобрав его, тут же нырнул вниз. Только голова осталась торчать над морем зелёной пахучей травы. Из-за небольшой рожицы на верхушке одного из дальних холмов показалась лавина могучих тел. Земля слегка задрожала, заставив Эдвана опустить голову ещё ниже и, скрипнув зубами, помолиться Творцу, чтобы

твари ушли в другую сторону. Это было стадо шрии. Или, если по-простому, быков-твердолобов. Простых тварей парень, разумеется, не боялся, больше всего его беспокоили одарённые, ведь если одному дикому быку или копыерогу он ещё мог что-то противопоставить, то в единоборстве с этими тварями у него не было ни шанса. И дело тут вовсе не в силе вожака стада или охраняющих его особей, как могло бы показаться, а в невероятной живучести этих милых животных.

За столетия эти относительно мирные, медлительные и неповоротливые травоядные полнотью отбросили попытки убежать от постоянно охотящихся на них хищников или противостоять им коллективно, как это делали их соседи по равнине. Вместо этого шрии превратились в самые настоящие ходячие крепости. Огромные горы мышц, закованные в непробиваемую броню из толстой шкуры и густой длинной шерсти, очень плотной и кудрявой. Единственное место, лишённое этой невероятной защиты, – лобная кость, стала настолько толстой и крепкой, что одарённые шрии спокойно могли брать на таран крепостную стену без последствий для себя. Невероятно живучие твари, от которых не так-то просто убежать. Опять же, отнюдь не из-за скорости, а из-за редкой, феноменальной упёртости. В конце концов, места для мозга в их гигантских головах было немного, и потому могучий твердолоб мог преследовать обидчика до трёх дней без продыху, пока не падал без сил. И поэтому на глаза им лучше не попадаться. Одарённые твари весьма болезненно реагируют на представителей рода человеческого. А потому на равнине стоило опасаться не только копытных, но и тех, кто может быть рядом – стай волков, шакалов, хищных кошек...

Всё это Эдван помнил из рассказов городских охотников и из своей прошлой жизни. Он неотрывно следил за движением стада, медленно двигался вперёд, стараясь идти как можно осторожнее, и осмелился выпрямиться, только когда проклятые быки скрылись за вершушкой холма. Вздохнув, он двинулся было дальше, но тут услышал шорох и замер на месте. Буквально в тридцати шагах от него трава покачнулась, зашуршала! Ухо уловило глухой топот чьих-то ног по мягкой земле, который с каждым мигом становился всё ближе и ближе! Кто-то приближался!

Эдван выругался, крепко сжал копьё и развернулся на звук, одновременно сбрасывая с плеча рюкзак. Весь мир для него сузился до короткой дорожки между ним и зверем в высокой траве. «Кто там? – метались мысли в голове парня, точно мыши, разбегающиеся от кота. – Шакал? Рысь? ТИГР?!»

Воображение разыгралось не на шутку, рисуя в голове юноши картины одна другой страшнее. Всё, что он видел сквозь травинки, – быстро приближающуюся тень, которая в его глазах выросла до невероятных размеров. Кто бы там ни бежал, Эдван уже готовился к схватке с тигром. Десятком тигров. Он попятился, не отрывая взгляда от шуршащей травы, крепко сжал копьё, выставил его перед собой и помолился Творцу. Оружие начало светиться от переполняющей его агры. Было страшно.

Бороться с самим собой в таком положении оказалось очень непросто. Липкий ужас токсичной волной расползся по его телу, сковывая движения, заставляя забыть обо всём, кроме приближающейся твари. В голове было пусто, кровь набатом стучала в висках. Желание броситься наутёк было всё сильнее и сильнее. Эдван закусил губу. Он даже не заметил боли, не почувствовал вкуса собственной крови, но не сдвинулся с места, лишь крепче сжал в руках копьё, готовясь к предстоящей схватке. В конце концов, сражение было единственным способом одолеть и свой страх, и врага. Это парень успел усвоить крепко.

Раздалось громкое хрюканье, трава расступилась, и оттуда прямо на Эдвана с визгом выпрыгнул кабан, со всей своей молодецкой удали налетев прямо на выставленное копьё. Наконецник прошил тушу от уродливого пятака до задницы, словно мягкий плод – столько энергии влил туда юноша.

– Чтоб тебя Первый забрал, тварь... – в шоке пробормотал парень и робко дёрнул древко на себя, в попытке вытащить оружие из мёртвого зверя. Тщетно. Копьё крепко засело внутри.

Сглотнув, Эдван взглянул на тело. Убитый кабанчик был ещё совсем молод – скорее поросёнок, чем взрослая тварь. Окрас не такой тёмный, на теле виднеются белые полосы. Клыков нет и в помине, но зато размер – да. Едва ли не превосходит обычного взрослого кабана. Очевидно, одарённый зверь. Видимо, поэтому и набросился...

«Но... что поросёнок делает на равнине один?» – щёлкнуло в голове юноши, и волосы на его затылке зашевелились. По спине пробежал холодок. Только сейчас он обратил внимание на шорох травы совсем рядом с собой! Послышалось громкое, недовольное хрюканье.

Отпустив застрявшее копье, Эдван одним прыжком развернулся на звук, но сделать ничего не успел – ему в грудь врезалась огромная голова вепря. Страшный удар вышиб воздух из лёгких и отправил его в полёт шагов на тридцать. Кувыркнувшись в воздухе, парень рухнул лицом в землю и кубарем покатился по траве, пытаясь затормозить. Лишь укрепление тела атрой спасло его внутренности от превращения в кашу из мяса и костей, а лицо и руки от многочисленных царапин.

Не обращая внимания на звон в ушах и головокружение, Эдван вскочил на ноги и с трудом отпрыгнул в сторону, пытаясь уйти от атаки твари, которой почему-то не последовало. Вепрь стоял у тела детёныша и осторожно трогал его копытом. Он грустно боднул пару раз пятаком мёртвую тушу и, шумно фыркнув, полностью развернулся к парню, впери в него полный ярости взгляд чёрных глаз-бусинок.

Эдван сглотнул. Новый враг был воистину огромен. Настоящая гора мышц, в холке – по грудь человеку, покрытая бронёй из толстой шкуры и жёсткой щетины, со здоровенными клыками и мощными копытами. Страх снова стальной хваткой сжал сердце, подталкивая парня к бегству, и ему стоило огромного труда побороть это желание. В своём упорстве разъярённый кабан мало чем уступал шрии и, если судить по удару, силу которого Эдвану довелось испытать на собственной шкуре, развитие секача не сильно уступало его собственному, если не было таким же. По прямой от такого далеко не убежишь...

Кабан сорвался с места, в мгновение ока преодолевая разделяющее их расстояние. Эдван попытался уклониться, но из-за липкого страха, повисшего мёртвым грузом на мышцах, не успел. Ему удалось избежать лишь клыков, но тварь всё равно снесла его. Рухнув на землю, он перекатом ушёл в сторону, вскочил на ноги и тут же прыгнул вверх, каким-то чудом уходя от атаки разъярённой твари, и запоздало сообразил, что загнал себя в смертельную ловушку, поддавшись страху. В воздухе мгновения тянулись, словно остывающая смола. Секач развернулся, задрал голову к небу и, громко хрюкнув, топнул копытом. Грива на его спине встала дыбом, голова склонилась к земле.

Падая, парень наполнил атрой тело и боевые одежды так сильно, как только мог. Шрам на груди заболел, в животе образовался ком. Перед лицом встала картина из снов – стальные когти медведя сомкнулись на его сердце. До земли осталось несколько метров. Вепрь рванул вперёд, а Эдван зажмурился, молясь Творцу. Удар оказался ещё более жутким, чем первый. Воздух вышибло из груди, хрустнули кости, клыки твари больно впились под рёбра, подбрасывая его обратно в воздух.

Пролетев по широкой дуге шагов двадцать, парень тяжело рухнул на землю, словно мешок с мукой. Секач вновь налетел на него, боднул тяжелой башкой, протащил по земле, привстал на задние лапы, готовясь затоптать жалкого человечешку, и именно в этот миг короткой передышки Эдван перекатом ушёл в сторону. Земля вздрогнула от удара тяжелых копыт, обрушившихся на то место, где он только что лежал. Юноша с трудом вскочил на ноги и помчался прочь так быстро, как только мог. Каждая клеточка тела ныла от боли, особенно рёбра – казалось, будто туда его приложили осадным тараном. Бесконечный звон в голове никак не желал стихать, а на губах ощущался солоноватый привкус собственной крови. Топот приближающе-

гося сзади секача набатом звучал в ушах, и, когда могучие клыки уже были готовы садануть его прямо в спину, он прыгнул в сторону, в последний момент уходя из-под удара. Тяжелая туша пронеслась мимо, а парень помчался дальше.

В глубине души разгоралось пламя злости. Прежде всего на самого себя. Разве он не убивал более опасных тварей во сне? Разве пасовал перед благородными в городе? Испугался драки с Амином? Нет. Так почему он всё ещё удирает от этого тупого свина?

Собрав всю волю в кулак, парень закусил губу и, сорвав с пояса подаренный мастером Ганном топор, круто развернулся. Секач был всего в двух шагах – казалось, песенка юноши спета, и сейчас разъярённый кабан протаранит его, но Эдван, не скованный липким ужасом, был быстрее. Резко шагнув в сторону, он обрушил могучий удар топора на переднюю ногу вепря, подрубая её. Сталь не сумела пробить усиленную атрой кость, но повредила мышцы и сухожилия. Раздался громкий визг, тяжелая туша рухнула под собственным весом и проехала с десяток шагов по земле, сминая высокую траву, а парень, даже не посмотрев на результат своих трудов, уже мчался в противоположную сторону. Туда, где его рёбрам впервые пришлось отведать кабаньей ярости. В голове всё ещё звенело, а в глазах всё немного двоилось, но времени на слово жизни сейчас не было. Вместо этого приходилось сжать зубы крепче и сражаться.

Копьё всё так же торчало из трупа детёныша. Упершись ногой в тело, Эдван быстрым движением вырвал оружие и, перехватив его поудобнее, принял боевую стойку, слегка согнув ноги в коленях. Остриё смотрело прямо на вепря, который медленно приближался, прихрамывая на одну ногу. В животе парня всё ещё стоял ком, а сердце гулко стучало. Жутко трещала голова, хотелось блевать, было очень страшно, но этот страх больше не сковывал, наоборот – он подстёгивал, заставляя боль немного отступить. Юноша заметил, что с каждым шагом кабан хромает всё меньше и меньше, а после десятого тварь замерла и, недовольно хрюкнув, рванула прямо на него. Этот рывок он видел уже десятки раз, и уклониться от него оказалось несложно. Молниеносным, длинным прыжком Эдван ушёл влево и, приземлившись, оторвал одну руку от копья. На кончике пальца загорелся огонёк чистой атры.

Секач вновь пошёл в атаку. Как всегда, напрямик, в лобовую, но на этот раз его ждал сюрприз. Палец юноши очертил ломаную спираль, проткнул её, и атра, обернувшись яркой белой молнией, сорвалась в полёт. Раздался дикий грохот взрыва, а следом за ним по округе разнёсся полный боли визг вепря. Кабан покачнулся, тряхнул обгорелой башкой, но не успел сорваться с места, как его тут же накрыл огненный вал.

Слово пламени ещё не закончило действовать, как из ревущего огня вырвался обгорелый сгусток тупой животной ярости. Вырвался – и со всего маха налетел на копьё. Оружие вонзилось в основание могучей шеи, не позволяя свирепой твари добраться до Эдвана. С трудом удерживая древко в руках, юноша попытался пригвоздить зверя к земле, но ничего не вышло. Кабан, озверев от боли, крепко упёрся ногами и изо всех сил пёр прямо на него, всё глубже и глубже насаживаясь на копьё, не обращая никакого внимания на страшную рану – усиленное атрой тело могло выдержать и не такое. Эдван скрипнул зубами, пустил ещё больше энергии в оружие, навалился сильнее и упёрся в конец древка плечом, вгоняя остриё ещё глубже. Кабан взревел, замотал башкой, рванулся вперёд изо всех сил, и тут древко, не выдержав, с треском сломалось.

Парень не успел среагировать. Он повалился вперёд и тут же поймал тяжелый удар разъярённой твари, лишь чудом не получив в пузо древком собственного копья, которое всё ещё торчало из тела зверя. Кабан отбросил врага на десяток шагов в сторону, помчался следом, но сослепу не попал и принялся злобно метаться в поисках проклятого человека.

Эдван не дал ему шанса на второй удар. Обрушив на секача ещё одну молнию, он быстро начертил в воздухе круг и вписал внутрь два слова пламени. Кроваво-красный огненный шар засиял на его ладони и тут же отправился в тварь, ударившись о голову которой, и взорвался.

Кабан взревел от боли, заметался из стороны в сторону, но Эдван был уже рядом, и топор в его руке сиял от агры.

Беспощадный удар вновь пришелся по колену, заставляя секача рухнуть мордой в землю, ещё глубже загоняя в тело торчащее из основания мощной шеи копьё. Следующий удар обрушился на голову. Горелую плоть оросила кровь, череп раскололся, но лезвие не вошло глубоко. Кабан взбрыкнул и отчаянно боднул обидчика в грудь, оттолкнув парня на пару шагов. Эдван не растерялся, изо всех сил пнул зверя в бок, не давая тому шанса подняться. Топор вновь мелькнул в воздухе, обрушился на башку вепря, а затем ещё раз и ещё. Кабан брыкался, ревел, пытался боднуть проклятого человечешку, но все старания были тщетны, и с каждым следующим ударом он дёргался всё слабее и слабее, пока, наконец, не замер после двадцатого по счёту рывка.

Смерть врага парень заметил не сразу и ударил ещё раза четыре, превращая череп и его содержимое в кашу. Вырвав топор из головы твари, Эдван невольно попятился. Оглядел мёртвое тело, куски плоти и кровавые пятна на боевых одеждах, обломок дровца, торчащий из могучей шеи, после чего недоверчиво усмехнулся и расхохотался. Громко, счастливо.

– ДА! Сдохни, отродье Первого! – заорал он, отвесив труп крепкого пинка, и, снова рассмеявшись, вдруг потерял равновесие и рухнул на землю. Эмоциональный накал чуть спал, и у парня отчего-то резко закружилась голова, его начало мутить. С трудом сдержав рвотный позыв, он выпустил топор из рук и принялся себя ощупывать. Прикосновение к правому боку вызвало резкую вспышку боли. Скрипнув зубами, Эдван опустил взгляд и увидел торчащий из тела кабаньей клык. Вернее, ту его часть, что виднелась из дырки в тканевой броне. Должно быть, это случилось во время последней отчаянной атаки твари...

«Надо же... совсем не заметил», – подумал он, удивляясь отсутствию боли. Перед глазами всё начало двоиться, сознание поплыло, он начал заваливаться на бок, но в последний момент сумел усидеть на месте, до крови закусив губу. Короткая вспышка боли помогла остаться в сознании. Не теряя больше ни секунды, Эдван смахнул кровь и начертил на щеке слово жизни. Просто потому, что больше ни одного чистого участка на его теле не было.

Преодолевая внезапно накатившую слабость, он спешно принялся расстёгивать ремешки боевых одежд, скинул броню, затем распахнул куртку, задрал рубаху и осмотрел рану. Клык вошёл глубоко и плотно сидел в теле. Из дырки медленно вытекала тонкая струйка крови, которая ранее, видимо, впитывалась тканью одежды. Прикрыв глаза, Эдван попытался успокоиться. Сосредоточился на внутреннем сосуде и удивился тому, что тот был заполнен на две трети.

Парень аккуратно смочил палец в крови и вывел целых два слова жизни на своём боку, чуть выше раны. Символы вспыхнули тёмно-зелёным, тело пронзил заряд бодрости, а Эдван, набравшись смелости, одним резким движением вырвал из раны кабаньей клык и зажал дыру тканью рубахи. В голове вновь помутилось, но на этот раз терять сознание он не спешил. Чувствуя, как атра обращается заживляющей силой и уходит в дыру, словно в бездонную пропасть, парень мысленно обругал сам себя. Не будь у него столь могущественного слова, он бы не надолго пережил убитую тварь. Штука, которую он вытащил из собственного бока, была длинной с ладонь. Ровно от запястья до кончика среднего пальца.

Смерть прошла совсем рядом, легонько похлопав парня по плечу своей костлявой рукой, как бы напоминая о том, что она всегда бродит неподалёку и ждёт, когда он, наконец, отступится, или когда от него окончательно отвернётся удача. И вновь всё из-за проклятого страха, который, словно яд, отравляет его тело и мысли, стоит только встретиться с опасным зверем лицом к лицу. Сурово нахмурившись, Эдван поднял над головой зажатый в кулаке клык секача. Он был довольно большим, и снова всё из-за проклятого страха.

– Больше... я не отступлю! И не испугаюсь! Клянусь! – крикнул он, сжимая свой первый трофей окровавленной ладонью.

Несколько долгих секунд он сидел, глядя на клык и свою руку, после чего, вздохнув, быстро накиннул все свои одежды, бросил последний взгляд на поверженного врага, мысленно поблагодарил Творца за жизненный урок и, подобрав с земли топор, побежал прочь, сжимая в ладони клык. Он и так слишком задержался на месте драки.

Уже через полчаса после его ухода туда сбежалось с десяток одарённых тварей, которым было очень любопытно, что же такое произошло. Это были те, кто находились ближе всех: пара шакалов, волк, несколько шрии, не испугавшихся клыкастых соседей. Учувя запах человека, они сильно разозлились и даже немного пошарили по округе, но, ничего не найдя, спокойно разошлись. Хищники уже были сыты и не хотели преследовать опасное существо, а у травоядных попросту не было такой возможности. Чего не скажешь о том, кто посетил это место через два часа после их ухода.

Из зарослей высокой травы медленно показалась огромная кошка. Гладкая, тёмная шерсть с зеленоватым отливом делала её совершенно незаметной среди обильной зелени равнины, а плавные движения животного были полны грации и абсолютно бесшумны. Могучая тварь осторожно приблизилась к мёртвому секачу, жадно обнюхала торчащее из трупа древко копья и, оскалившись, медленно скрылась в траве. Если бы кто-нибудь из городских солдат видел её, то моментально помчался бы за подмогой, ибо это была хассира, прозванная в простонародье сумеречной смертью. Самый опасный хищник на всём правом берегу Белой.

Глава 37. Слишком тесный ручей

Притаившись в зарослях высокой травы, Эдван с замиранием сердца следил за стадом диких быков, пересекающих равнину неподалёку от его дороги. Стиснув до боли кулаки, парень мысленно выругался, костеря на чём свет стоит проклятых травоядных, которые нагрянули из-за холма как гром среди ясного неба, как раз когда Лаут надеялся перебить запах и запутать возможных хищников, которые могли последовать за ним после грандиозной победы над вепрем. С того момента прошло уже больше двух часов, а Эдван так и не успел совершить задуманного – постоянно кто-то мешал. Стоило только последней твари скрыться за верхушкой соседнего холма, как парень резко выдохнул, развернулся и помчался со всех ног в противоположную сторону, пинком отправив в полёт подвернувшегося под ноги тушканчика. Совершенно случайно – глупый зверёк просто не вовремя выпрыгнул на дорогу.

Вдалеке виднелся длинный ручей, что петлял по равнине между холмами и бугорками до самого Ледяного пика, где сворачивал в сторону Туманной чащи. Несмотря на то, что в академии им вроде бы рассказывали обо всех притоках Белой, название именно этого, самого длинного из ручьёв, отчего-то вылетело из головы юноши. А ведь вдоль него Эдван и надеялся продолжить свой путь к Башне отверженных, хотя, бесспорно, и у этой дороги были свои недостатки. Например, дикие звери, которые стягивались сюда утолить жажду. Впрочем, спрятаться от них в прибрежных зарослях камыша и густом кустарнике было куда легче, нежели на открытой равнине, а заросли пахучих трав, которые время от времени попадались у ручья, могли надёжно сбить со следа любопытные носы. Жаль только, попадались душистые стебли на пути не так часто, как хотелось бы. Зацепившись взглядом за крохотную точку на горизонте, в которую за это время успела превратиться фигура его врага, Эдван вздохнул. Как бы сильно ему ни хотелось это признавать, но именно то, что этот путь избрал Марис, сыграло решающую роль в его выборе. В конце концов, кто он такой, чтобы спорить с мнением лучших охотников города? А в том, что именно такие помогали избалованному засранцу проложить путь до Башни, Эдван не сомневался.

Не прекращая осматривать окрестности в поисках врагов, Лаут бежал к ручью и напряженно раздумывал о том, как отбить нюх возможным преследователям, прежде чем нырнуть в спасительные заросли у воды. В том, что какой-нибудь хищник учует запах человека у тела мёртвого кабана, он не сомневался. И чем ближе становился вечер, тем сильнее юноша нервничал. Интуиция подсказывала, что след стоит перебить, и как можно скорее. Пока ещё есть возможность. Идею зарыться в первые попавшиеся заросли воньтравы на берегу ручья юноша отнёс сразу. Несмотря на то, что способ был действенным, такое решение лишь замедлило бы зверя – чтобы понять, что жертва пошла вдоль ручья, и продолжить погоню, ума хватит и у тупейшей из одарённых тварей. Более надёжным способом отбить запах, по мнению Эдвана, было преодоление широкого препятствия вроде реки или обрыва. Увы, ручей шириной в десять шагов и небольшой овражек совершенно не подходили для таких целей. А вот пожар... пожар очень даже помог бы. Губы юноши растянулись в кривой усмешке.

Огонёк чистой астры мелькнул на кончике пальца Эдвана, и тот начертил над головой сразу несколько знаков. Слово пламени, связующий символ и форму, которую ещё ни разу не использовал в этой жизни. Волну. Все знаки, которые он выводил прямо в воздухе, были огромными, едва ли не в локоть высотой, чтобы техника вышла мощной и объёмной. Этот фокус сожрал едва ли не треть всего запаса астры, которым обладал юноша, но он того стоил. Получившийся символ засиял ярким, рыжим светом и обернулся в огромный вал бушующего огня, который волной разошёлся во все стороны от Эдвана, едва не зацепив его самого.

Воздух мгновенно высох. Жар оказался настолько сильным, что даже сочная зелень занялась мгновенно, и уже через несколько секунд всё в радиусе тридцати шагов пожирала языки

пламени, пока сам парень стоял на маленьком клочке земли, в клубах густого едкого дыма, шедшего от сгоревшей зелени. Жуткая вонь гари попросту уничтожила все прочие запахи, мгновенно пропитав одежду Эдвана. Она била в нос и больно впивалась в глаза, проникая в дыхательные пути с воздухом. Горло обожгло дымом, и Эдван закашлялся. Закрыв рукавом куртки нос и рот, он простоял так с минуту, пропитываясь гарью, после чего закашлялся ещё сильнее. Несмотря на усиление астры, оставаться дольше в центре разрастающегося пожара было слишком опасно. Жар и дым обступали его со всех сторон, и Эдван, подавив приступ кашля, начертил над головой слово ветра, связку и форму волны. Могучий порыв разметал дым во все стороны, позволив парню покинуть пожарище. Уже через минуту он, жутко кашляя и глотая свежий воздух, достиг зарослей кустарника у воды.

Тревожно закаркали две вороны, свившие гнёзда на одиноком дереве. Вдалеке, словно отвечая пернатым, послышалось недовольное мычание – стадо быков унюхало пожар. Вслед за ними отозвались шрии. Окинув чёрных птиц злобным взглядом, Лаут скрылся в зарослях травы у берега и шустро побежал к горе, стремясь нагнать благородного. Судя по огненной вспышке, что мелькнула у самого горизонта, тот сильно оторвался...

* * *

Пламя охватило шерсть молодого шакала, заставляя его метаться и выть от боли. Через мгновение его страдания закончились с ударом копыя в голову. Марис недовольно поморщился, выдернув оружие из туши – проклятая тварь успела поцарапать ему ногу, напав из засады. Незначительная, но очень обидная рана. Засмотревшись на огонёк пожара на горизонте, Марис потерял бдительность, и, будь это кто-то посерьёзнее слабого шакала, ему бы не поздоровилось. Марис скрипнул зубами со злости. Даже будучи так далеко, проклятый простолюдин умудрялся испортить ему жизнь. Обернувшись, юноша выцепил крохотную точку вдалеке и, послав на голову Лаута несколько проклятий, сплюнул и прибавил шагу.

«Ублюдок, нарочно идёт позади, чтобы я расчистил дорогу», – думал Марис, с трудом сдерживаясь, чтобы не развернуться и не завершить прерванную в академии схватку. И только накрепко вбитое Марису в голову правило о недопустимости драк за стеной спасало простолюдина от позорной смерти в кустах воньтравы. По крайней мере, так считал Марис. За прошедшие два дня он так и не оправился от тяжелого удара, который нанёс ему приговор. Мир разбился, презрение всей семьи топталось на осколках, и лишь благодаря словам отца он ещё не утратил воли к жизни, хоть и был к этому очень близок.

«В городе или нет, но ты не перестал быть собой, быть Морето. Всегда помни об этом и умри с честью», – сказал Горан на прощание, и разбитое самомнение Мариса зацепилось за эти слова, как за спасительную соломинку. Ведь это значило, что даже после изгнания он остаётся благородным, лучше и много выше всякой мерзкой черни. Именно мысль о собственной исключительности, отличии от прочих изгнанников подпитывала остатки его гордости и подгоняла вперёд. Марис не знал, что будет делать в Башне отверженных, но уже уверился в мысли, что не позволит всяким отбросам командовать собой. Он Морето, а значит, заставит их подчиниться.

Через несколько минут мысли юноши вновь вернулись к изгнанию. Не желая ранить собственное самолюбие, он и сам не заметил, как стал винить во всём проклятого простолюдина и, конечно, Лизу. Эту самовлюблённую девку. Скольких же проблем можно было избежать, если бы она просто слушалась будущего мужа и вела себя, как велят! Так нет же, наперекор всем лезла... к этому... этому уроду, который в каждой бочке затычка.

Марис на мгновение замер, сделал глубокий вдох. Мысли о мести вновь посетили его голову. Вначале он гнал их, старался забыть и убраться поскорее из города, но фигура, что периодически мелькала на горизонте, заставляла его возвращаться к этим размышлениям

снова и снова. И чем дольше он об этом думал, тем сильнее было желание отомстить. Он начал чувствовать, что просто обязан поквитаться за растоптанную гордость, за сломанную жизнь и за все те мерзкие слова, которые простолюдин посмел сказать в сторону великих семей. Здесь, за стеной, не было ни старших, ни законов, ни глупых правил и запретов. Лишь равнина да дикие звери. Сможет ли эта сопля выстоять против мощи двух контрактов? Наверняка нет. Сжав копьё, Марис оскалился и с трудом удержал себя от того, чтобы развернуться и броситься навстречу ублюдку. Ещё рано. Нападать открыто нельзя, можно спугнуть жертву. Вначале следовало дождаться темноты, а потом... да.

Парень взглянул на чистое небо, отыскал на горизонте тонкую, еле заметную полоску света и улыбнулся. Ещё несколько часов. Всего лишь несколько часов, и день сменится вечерними сумерками. И тогда решится судьба одного наглого выскочки. Раз и навсегда.

Задумав страшное, благородный продолжил путь. Поведение его не изменилось, он всё так же шёл вдоль ручья и убивал всех встречных животных, но теперь обходился лишь ударом копьё, экономя атру, и сбавил темп, чтобы расстояние между ними сократилось. Постепенно небо начало темнеть. Его яркая синева потускнела, сменившись более тёмным, серо-синим оттенком, а вдалеке с горизонта исчезла тонкая линия света. В это время года смеркалось медленно, и до полной темноты оставалось несколько часов. Достаточно времени для того, чтобы разобраться с одним ублюдком, который будто сам нарываётся на смертельный укол копьё.

Марис остановился, кивая своим мыслям. Он обязан отомстить. Простолюдин сам виноват в этом. Он сам выбрал путь. Никто ведь не заставлял его идти следом за своей смертью, верно? Верно. Осталось лишь привести приговор в исполнение. Обернувшись, Марис заметил, как человеческая фигура скрылась в зарослях высокой травы, и криво усмехнулся. Обида и клокочущая внутри злость окончательно затмили его разум, и мысль о том, что он собирался сделать, больше не претила. От самокопания и накручивания моральные устои юноши уже изрядно расшатались. Марис собирался уничтожить врага так же, как и всех тварей, которых встретил на пути. Он превратился в охотника, в глазах которого мерзкий простолюдин был не более чем жертвой. Жертвой, которую нужно убить.

Примерно в сотне шагов от того места, где он в последний раз видел Лаута, в нос благородного ударил резкий запах воньтравы. Настолько сильный, что юноша был сразу же вынужден зажать лицо ладонью, едва не выдав своё местоположение чихом. Около двух минут ушло у Мариса, чтобы привыкнуть к дикому смраду, и, лишь убедившись, что нос больше не желает предавать хозяина, парень продолжил путь.

«Решил спрятаться в зарослях, ублюдок? Но они тебя не спасут...» – подумал Марис, заметив, как колыхнулась листья в полусотне шагов от него. Осторожно раздвинув копьём стебли, которые доставали ему почти до подбородка, Марис задержал дыхание и скользнул в заросли воньтравы.

* * *

Едва на равнину опустились сумерки, Эдван поспешил спрятаться. Опыт и слова городских охотников подсказывали, что человек – дневной житель и не способен соперничать с ночными тварями. У него нет ни глаз, способных видеть в темноте, ни невероятного нюха, ни острейшего слуха, ни вибрисс, что ловят любое, даже самое слабое движение воздуха. Ничего, что смогло бы поставить двуногого вровень со зверем в ночной тьме. Единственный шанс для него выжить в тёмное время суток – это любой ценой избежать драки.

Именно поэтому для своего укрытия юноша выбрал высокие заросли воньтравы, которые так удачно попались ему на дороге. Трава эта, собственно, и получила своё название за невероятно мощный и резкий запах, который отпугивал мелких грызунов, насекомых, птиц и

прочих любителей полакомиться её крупными зелёными листьями, которые и распространяли жуткий смрад на всю округу. Идеальное место, чтобы скрыться от хищников. Зелень эта их, конечно, не отпугнёт, но зато гарантированно забьёт носы резким запахом.

Расчистив небольшой кусочек земли рядом с кустами бычьих ягод, парень уселся на подмятые стебельки и с трудом сдержал рвотный позыв. Смрад внизу стоял настолько невыносимый, что от него начинала болеть голова, а глаза слезились. Несмотря на это, Эдван терпел. Пытался дышать ртом, короткими вдохами и закрывал лицо рукавом, постепенно привыкая к ужасной вони, ибо жизнь была дороже любых удобств.

Когда желание умчаться прочь слегка поутихло, парень вынул из рюкзака два листа бумаги и, начертив на них слово поглощения, положил рядом с собой на траву. Закрыв глаза, он медленно погрузился в медитацию, с трудом обуздал свою атру, замедлил её движение и сосредоточился на тонких потоках энергии, что просачивались наружу через мелкие трещинки в его сосуде. Поймав, он закрутил их вокруг тела, постепенно вливая обратно во внутреннееместилище, таким образом замыкая его. Наружу теперь ничего не просачивалось – все мелкие потоки силы, которые Эдван не успевал поймать, впитывались в бумагу со словами творца. Юноша стал почти невидим.

Сделав глубокий вдох, он обратился в слух, сконцентрировался на потоках атры вокруг, надеясь засечь возможного врага. И засёк. Благодаря возросшей после получения седьмого ранга чувствительности, он почувствовал приближение мощного сгустка атры с пятидесяти шагов. Тварь, что к нему приближалась, была минимум того же ранга, что и он сам, а может, даже и немного выше. Однако с места Эдван не сдвинулся, а продолжил сидеть точно каменное изваяние. Зачем выдавать себя лишними движениями, если сила всё равно скрыта? Пока намерения врага не ясны, лучше вести себя тихо. В конце концов, зверь может просто пройти мимо, ничего не заметив.

Однако надежды на благополучный исход таяли с каждой минутой. Тварь подбиралась всё ближе, словно знала, куда нужно идти. Знала, где он сидит. Расстояние сокращалось. Сорок шагов, тридцать, двадцать пять... открыв глаза, юноша скользнул в кусты, оставив рюкзак лежать на своём месте. Он не стал уходить далеко, а наоборот, притаился буквально в нескольких шагах, готовый встретить неприятеля во всеоружии. Уловка простая, но довольно действенная, ведь в сумерках большая сумка вполне может сойти и за свернувшегося калачиком человека. Тварь набросится на него, раскроет себя, и в этот момент он и нанесёт удар из кустов.

В этот раз он был почти спокоен. Враг приближался. Чувство атры подсказывало, что он совсем рядом, всего в десяти шагах. В мыслях юноша уже прокручивал эту сцену, был готов встретить противника, надвигающегося со стороны дороги, но тут послышался тихий, еле заметный шорох листьев, и сердце юноши пропустило удар. Звук шёл с другой стороны.

Медленно Эдван обернулся на звук и ужаснулся, наткнувшись на пару ярких зелёных глаз с вертикальным зрачком. По спине пробежал холодок. Игра в гляделки длилась долгое мгновение, ведь зверь, точно так же, как и Эдван, не ожидал столь внезапного знакомства, надеясь, что жертва заметит его лишь в самый последний момент, когда будет уже слишком поздно. И тут, подобно грому среди ясного неба, из зарослей травы, крича, с копьём наперевес выпрыгнул Марис. Он на мгновение растерялся и, не найдя перед собой ничего, кроме рюкзака, словно дикий зверь, взвыл от обиды. А настоящий зверь тем временем отмер.

Эдван рванул в сторону, а огромная кошка молнией набросилась на Мариса. Мощные когти вспороли доспех так легко, словно он был сделан из мокрой бумаги, и лишь благодаря атре и каменному покрову зверь не сумел пробиться к плоти. Чудовищной силы удар буквально снёс юношу, который, пролетев шагов двадцать, ударился о землю, отскочил от неё, точно мячик, и кубарем покатился дальше, сминая высокую траву. Он не успел даже толком сообразить, что произошло, а хищница уже была рядом, придавила парня тяжелой лапой и попыталась сомкнуть челюсти на его голове. Обычно на этом всё и заканчивалось для тех, кому не

повезло стать жертвой сумеречной смерти, однако в этот раз жертва оказалась не одна. В самый последний момент, когда глаза Мариса расширились от ужаса перед быстро приближающейся пастью, хассира вдруг рыкнула и резко отскочила, едва не сломав ему рёбра. Мелькнула белая вспышка, и по ушам ударил чудовищный грохот. Эхо прокатилось по равнине.

Кошка тихо зашипела, злобно покосившись на стоящего вдаль парня. Вся её подпалённая шерсть встала дыбом, визуально делая её едва ли не в два раза больше, чем есть на самом деле. Эдван, в свою очередь, крепко сжимал в руках топор, не спуская глаз с проклятой твари. Он ударил молнией в зверя, почти не задумываясь. В данный момент ни его отношение к благородному, ни их распри не имели никакого значения. Важно было лишь то, что он – человек. А кошка – нет. Да, Эдвану было страшно, он чувствовал, что колени немного дрожат, а в животе образуется ком, но всё равно заставлял себя следовать данной на крови клятве сражаться и больше не трусить.

Марис тем временем рывком поднялся на ноги, отскочил от хищницы, которая поочерёдно буравила взглядом то одного, то другого парня. Ей ужасно не нравилось, что законная добыча решила сопротивляться. Будь это простой охотой, она бы отступила сразу после неудачи. Но сейчас... запах человеческой крови буквально сводил её с ума. Утробно зарычав, кошка медленно начала обходить парней, стараясь выгнать их из зарослей вонючей травы.

Благородный осторожно дёрнул плечом, проверяя, не сломал ли кости. Нашёл взглядом копьё, отлетевшее куда-то в ручей после атаки твари, и, сплюнув на землю, вытянул из ножен меч. Яркое пламя заструилось по клинку, превращая его в длинный и невероятно горячий факел. Тело Мариса обросло плотной каменной коркой, отчего доспехи на нём стали смотреться слегка нелепо, словно были ему малы. Марис бросил короткий взгляд на Эдвана и скрипнул зубами от досады. Он чувствовал себя просто отвратно, и ярость, клокочущая внутри, была настолько сильной, что пламя просачивалось даже сквозь каменную броню. Это был невероятный позор! Мало того, что тварь застала его врасплох и едва не убила, так ещё и мерзкий простолудин обвёл его вокруг пальца и спас от смерти!

Зарычав от злости, Марис бросился прямо на хассиру и обрушил на неё удар пылающего клинка. Хищница легко спружинила на лапах и уклонилась, позволив мечу вонзиться в землю, после чего тут же рванула вверх, нанося ответный удар лапой. Во все стороны брызнула каменная крошка, когти вспороли юноше бок, выбросив его из зарослей воньтравы, а тварь тут же бросилась на Эдвана. По его спине пробежал холодок. Семь колец запульсировали на сосуде души, заполняя тело атрой до отказа.

Острейшие когти промелькнули перед носом, ответный удар топора оставил твари рану в боку. Он длинным прыжком вырвался из зарослей, ушёл от броска преследующего его зверя, но позабыл про жёсткий хвост и рухнул на землю, больно получив по ногам. Оттолкнувшись руками, Эдван тут же перекатился вправо. Тяжелые лапы гулко ударились совсем рядом с его головой. Вскочив на ноги, он краем глаза заметил яркую вспышку и тут же отпрыгнул назад. Хассира сделала то же самое, и вовремя. Огненный шар размером с телегу взорвался прямо между ними, окатив обоих волной сухого жара и оглушив грохотом.

Через мгновение в бушующее пламя ворвался Марис, размахивая своим огненным мечом в надежде достать зверя. Огромная кошка уклонилась от первых двух ударов и уже готовилась броситься на врага, но благородный вдруг выпустил струю пламени прямо ей в морду и тут же ударил раскалённым клинком в голову хищницы, лишая её одного глаза. Обезумев от боли, она бросилась на обидчика, налетев прямо на оружие. Меч вошёл в её брюхо по самую рукоять, но цели зверь добился, сбив Мариса с ног. Когти вонзились в наплечники, и парень, вскрикнув от боли, выпустил из рук оружие и тут же выставил их перед собой, отталкивая проклятую тварь. Зубы хассиры щёлкнули в опасной близости от лица, в нос ударил мерзкий запах из пасти. Марис зарычал, забился под ударами когтистых лап, изо всех сил сдерживая зверя, который пытался его сожрать.

Борьба не продлилась и нескольких мгновений. Покрытые пламенем руки опасно дрогнули, и когда Марис уже приготовился прощаться с жизнью, хассира резко отпрянула. Что-то с глухим стуком ударило в её мерзкую башку, заставив покачнуться. Тварь оскалилась, попыталась вновь добраться до горла юноши, но тут что-то снова ударило её сзади, благородный тут же воспользовался заминкой и выпустил струю огня твари в морду. Зверюга взревела, да так яростно и безумно, что сердце Мариса ушло в пятки. Не ослабляя, впрочем, напора огня, он попытался скинуть её с себя, но когти, словно назло, прочно увязли в броне. В бешенстве тварь вновь отчаянно рванула вперёд, парень отодвинул голову в сторону, с трудом сумев лишь немного оттолкнуть башку твари от своего лица. Клыки сомкнулись на плече, не замечая брони. Марис взревел от чудовищной боли. Левая рука отнялась, парень изо всех сил направил к ране атру, укрепляя плечо, и с остервенением пустил пламя прямо в пасть твари, но та лишь сильнее сжала челюсти, и, когда благородному показалось, что час его пробил, в голову монстра с глухим ударом вонзился топор. Хватка слегка ослабла.

Эдван налетел на хассиру, вторым ударом топора заставил её, наконец, отпустить Мариса и тут же отбросил пинком на десяток шагов. Пока та летела, он росчерком пальца создал в воздухе ломаную спираль, проткнул её, и молния яркой белой дугой соединила его палец с мордой животного. От громовых раскатов вновь зазвенело в ушах, но мерзкая кошка была всё ещё жива и даже относительно невредима – лишь трясла опалённой башкой, изо всех сил пытаясь прогнать дикую боль в голове. Из тела хассиры до сих пор торчало оружие: меч из брюха и три белоснежных копья чистой атры из спины. Впрочем, они уже начали потихоньку развеиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.